ТАИНСТВЕННЫЕ
ИСТОРИИ,
СЛУЧИВШИЕСЯ
С ОБЫЧНЫМИ
ЛЮДЬМИ

Очевидцы сверхъестественного

Елена Хаецкая

Таинственные истории, случившиеся с обычными людьми

«Алгоритм»
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Хаецкая Е. В.

Таинственные истории, случившиеся с обычными людьми / Е. В. Хаецкая — «Алгоритм», 2015 — (Очевидцы сверхъестественного)

Перед вами живая книга городских легенд. Популярная российская писательница Елена Хаецкая создала поистине невероятный сборник, в котором собраны рассказы обычных людей, чью жизнь кардинально изменила встреча с миром сверхъестественного. Благодаря этой книге вы обязательно пересмотрите свое отношение к призракам, привидениям и пришельцам. Мастерское повествование автора напоминает лучшие рассказы Нила Геймана, ну а сюжеты подбросили сама жизнь и Санкт-Петербург, в котором и случились эти истории.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Хаецкая Е. В., 2015
© Алгоритм, 2015

Содержание

Городские легенды 5
Анна и ее музыка 5
Невидимые карлики Часовной горы 14
Дым родного очага 22
Бежать среди внезапного тумана 28
Призраки Народного дома 36
Грезы любви 43
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Елена Хаецкая
Таинственные истории, случившиеся с обычными людьми

Городские легенды

Анна и ее музыка

Музыка заканчивается там, где заканчивается ее власть над людьми. Самый затасканный шлягер – даже на ощупь ветхий, такой, что и заплатки не держатся, – все-таки еще обладает этой таинственной способностью: дирижировать человеческими движениями, управлять чувством и лепить на том узеньком клочке земли, где он слышен, собственный бесхитростный балетик. И только начиная с бессвязного «металла» уличная музыка утрачивала эту способность и переставала, таким образом, считаться музыкой. Даже за рэпом с его невнятным, абсолютно чуждым сердцу негритянским речитативом Анна Викторовна признавала право считаться музыкой. Даже рэп заставлял ее изменять походку – как бы ни противилось этому сердце. Хотя, конечно, с вальсами в исполнении полковых оркестров это не идет ни в какое сравнение.

Анна Викторовна любила шлягеры. Любые, даже пошлые и сладенькие. Даже – о ужас! – «блатные» с их берущей за душу мелодией и проникновенными, изумительно глупыми призывами пожалеть воров и убийц, ибо у тех тоже имеется старушка мать. Анна Викторовна скрывала свое пристрастие, иногда даже от самой себя, но в первую очередь – от дочери. От своей умной дочери, которая состояла в разводе и носила контактные линзы, сделанные восемь лет назад в дорогой немецкой клинике после случайного денежного прилива. Больше приливы не повторялись, клиника давно закрылась, линзы устарели, но дочь упорно продолжала их носить – как своего рода розовые очки, как гарантию возвращения счастья. Цветные стеклышки радости, которые таились в незатейливых шлягерных припевах, решительно не устраивали умную дочь, поскольку она закончила Политехнический институт. Дочь упорно и хмуро трудилась на нелюбимой, плохо оплачиваемой работе, в чем усматривала стабильность. Дочь любила говорить о своей будущей пенсии. В ее трудовой книжке нет перерывов трудового стажа. У нее будет хорошая пенсия.

Дочь у Анны Викторовны была неудачная. Дело даже не в том, что она была бездетной и состояла в разводе. Хотя, конечно, надпись «РАЗВЕДЕНКА», незримо, но явственно выведенная на ее озабоченном лбу меленькими морщинками, тоже не украшала.

Если по радио начинали передавать какую-нибудь «Лаванду» или «Ламбаду», дочь немедленно врывалась на кухню с искаженным лицом и вытаращенными, водянистыми от линз глазами. Она кричала: «Мама, немедленно выключи эту гадость! Как ты можешь?» – и сама впивалась в трехпрограммный приемник. Однажды она его сломала.

Поэтому Анна Викторовна ходила слушать шлягеры в парк.

Александровский парк был самым пивным местом Петроградской стороны. И самым безопасным. Все безобразия происходили в каких-то других местах, а здесь люди только отдыхали.

На маленьком пространстве парка разместилось огромное количество достопримечательностей, каждая из которых имеет собственных завсегдатаев, аборигенов и ангелов-хранителей; одни люди принадлежат парку, другие – нет. Невозможно искоренить тех, кого парк

признал плотью от своей плоти: они неподвластны ни судорогам сухого закона, ни «антитеррористическим» акциям, в ходе которых периодически уничтожаются их излюбленные злачные места. А чужаки проходят здесь, не оставляя следа.

В те дни, когда на расположенном неподалеку стадионе играет питерская футбольная команда «Зенит», Александровский парк становится «чертой оседлости». Болельщики «Зенита» в парке, несомненно, чужие: их терпят, как нашествие саранчи. Они мешают завсегдатаям выпивать благопристойно.

Согласно правилам, в радиусе километра или даже двух от стадиона в дни матчей прекращается любая продажа спиртного. Первые открытые для болельщиков ларьки с пивом находятся как раз в парке. Пока длится матч, у продавцов непрерывно работает прямая трансляция. Подъезжают пузатые грузовички, грузчики, сверкая полуобнаженными торсами, складывают штабеля ящиков, предназначенные на убой коричневые бутылки высовываются из ячеек, как негры-рабы из трюмов.

Затем надвигается первая волна разгоряченных людей – в гигантских надувных бело-голубых цилиндрах, с оглушительными дуделками, с голубыми клубными знаменами. Цунами встречается с берегом.

Крики и свист вплетаются в музыку парка, делают ее гуще, рвут ее ткань – но уничтожить не в состоянии.

Анна Викторовна возвращалась домой через парк с рынка. Обычная тетка с авоськами. Пятьдесят лет, пятидесятый размер одежды. Чуть полинявшее платье, синее в мелкий цветочек, увядшие руки крепко держат тяжеленные сумки, голова чуть опущена, словно бы для тарана. Гнусненькая рыжеватая шерсть вместо волос: дочь настаивает на том, чтобы Анна Викторовна красилась. «Ты еще не старуха, чтоб ходить седой». Та же дочь покупает ей дешевую краску. Краска съела когда-то густые волосы, сделала их тонкими и мертвыми. «Странно, – думала Анна Викторовна, исподлобья озираясь по сторонам и обливаясь потом посреди летнего дня, – когда я была молодой, мне казалось непонятным: почему все бабки, достигнув пятидесяти, разводят у себя на голове это отвратительное рыжее химическое безобразие. Я недоумевала: зачем? Разве не лучше естественная седина? И вот я сама – хоть в книжку типажей портрет вклеивай: дряблые руки, немаркий сарафанчик – еще с восьмидесятого года, раздавленные пятками босоножки – и эти волосы…»

Она ходила через парк еще потому, что здесь не было зеркальных витрин.

Но главной приманкой была, конечно, музыка.

Сперва шли кафе. В одном перед пустыми столиками на маленькой эстраде подолгу выступал немолодой певец с приятным баритоном. Случалось, он чуть срывался, но никогда это не резало слуха. Анна Викторовна останавливалась – послушать хотя бы пять минут. И всегда недоумевала: к кому он обращается с такой задушевной интонацией, кому делает заученные призывающие жесты, как бы подманивая к себе невидимых женщин.

Анна Викторовна жалела, что не курит и не пьет пива: возможно, она делала бы и то, и другое, но дочь с ее звериным нюхом непременно бы учуяла и встретила бы скандалом: «Мало мне было мужа-пьяницы, так теперь еще и родная мать!» Кстати, муж, с которым дочь находилась в разводе, по мнению Анны Викторовны, пьяницей вовсе не был. Он честно отслужил соломенным болваном для втыкания стрел и копий, а спустя пять лет попросил пощады – и был вышвырнут за порог.

Если бы Анна Викторовна курила, она могла бы сделать вид, что остановилась не послушать музыку, но закурить. Ей казалось, что без папиросы в руке ее тайна делается слишком очевидной для окружающих и что кто-нибудь из них может рассказать об этом дочери. И тогда… «Мама! Как может женщина, читавшая «Войну и мир», слушать песню «Капля в море, капля в море, а на море корабли…»?!!»

Да Бог знает, как это выходит. Анна Викторовна и «Войну и мир» читала, и «Каплю в море» слушала… Однажды она сказала дочери: «Может быть, я – цельная натура?» Дочь обомлела, распахнула глаза, несколько секунд глотала воздух, а потом безнадежно махнула рукой и вышла из комнаты. Она была оскорблена.

Певец на эстрадке замолчал. Из бара лениво выбрался бармен, трижды обернутый вокруг тощих бедер черным фартуком. Певец взял маленький стаканчик с желтоватой каплей коньяка на донышке, аккуратно выпил, облизнулся. Бармен уселся за пустой столик, налил себе. Снова заиграла музыка. Это была не живая музыка, а караоке, но голос певца был безупречно живым.

Чудо началось, как всегда, неожиданно: Анна Викторовна стала различать за пустыми столиками тени женщин. Это были молодые женщины в платьях, сшитых по моде восьмидесятых, с дурацкими рукавами «летучая мышь» и спущенным лифом, наползающим на талию. Но они были невероятно молоды, а их глаза, подкрашенные, согласно советам нового для России журнала «Бурда-моден», переливались зеленым и фиолетовым. И мужчины смотрели на них с радостным удивлением.

Когда певец плавно двигал рукой, женщины поворачивали головы и медленно улыбались. Они все время думали о том, как удивительно накрашены их глаза.

Анна Викторовна не моргала, сколько удавалось, но затем все-таки ее веки шевельнулись, и видение тотчас исчезло. Но она узнала, для кого старается певец на пустой эстрадке. Это было важно.

Следующее кафе специализировалось на бодрых блатных песенках. Плачевная судьба воров выглядела здесь единственно возможной. Если не слушать слова, то мелодия была идеальной: она была назойлива и формировала походку женщины еще долго после того, как музыка отзвучала и скрылась за деревьями. Любить эти шлягеры Анна Викторовна считала наиболее постыдным. Но ничего не могла с собой поделать – она любила и их…

Далее требовалось как можно скорее миновать бойких молодых людей, третировавших гитару и маленький барабанчик: эти полагали, что обитатели парка непременно должны платить им просто за одно их появление в парке. Для этого существовала извилистая девушка со шляпой, которая бросалась на проходящих мимо людей с криком: «Поддержите музыкантов!»

Анна Викторовна не считала этих ребят музыкантами. И даже не потому, что они плохо играли. Они были здесь чужими, вот и все.

Анна Викторовна проходила мимо них, как суровый, непреклонный танк. Она знала, что у нее неприятное лицо: маленькие глаза, тонкий, сжатый в нитку рот, обвисшие бледные щечки. Дряблая картофелина, сваренная в мундире и забытая на столе. Извилистая девушка шарахалась от нее. У Анны Викторовны даже не было сил завидовать ее молодости.

Она спешила домой. Она и так уже задержалась в парке, и дочь будет недовольна.

Два музыкальных ларька, расположенные по обе стороны станции метро, источали музыку: один – какую-нибудь изысканную новинку, другой – исполняемые натруженным басом «Шестнадцать тонн», песню американских горняков, очень эксплуатируемых, но, как и негры, неунывающих. Даже странно, почему они всегда ставят эти «Шестнадцать тонн». И еще странно, что они никогда не надоедают.

Музыка знала свои границы и никогда их не пересекала. Еще минуту назад Анна Викторовна находилась в воздушном пространстве изысканных новинок – и вот уже, буквально шаг спустя, погружается в тяжелые объятия «Шестнадцати тонн».

Однако сегодня что-то случилось. «Шестнадцать тонн» молчали. Киоск исчез. Не было и обычных приграничных торговок, отчаянных, как индейцы, выменивающие на вампумы у белых одеяла и «огненную воду», – темнокожих коварных сарацинок, продающих за сто рублей ядовито-розовые кофточки и пижамы с колючими кружевами у ворота: «Сто рублей, девочки, сто рублей!» – кричали сарацинки, рассылая во все стороны ослепительные улыбки и никому не глядя в глаза равнодушными глазами.

Анна Викторовна любила рассматривать эти кофточки, всегда разные – и всегда одинаково пестрые. И ей представлялось, что это колониальный товар, пахнущий потом негритянок, слежавшимся чаем и йодистым духом деревянного трюма. Место, облюбованное сарацинками, находилось там, где обе музыки сталкивались и вливались одна – в левое, другая – в правое ухо; но, перекрикивая все на свете, пронзительно твердили темнокожие, хорошо кормленные, красивые приграничные торговки: «Всего сто рублей, девочки! Всего сто рублей!»

«Где же они?» – думала Анна Викторовна, оглядываясь. Она чувствовала себя немного обманутой. Конечно, она никогда не покупала, но торговки на нее не обижались: казалось, каким-то глубинным чутьем они догадывались, что эта увядшая дама с авоськами – на их стороне, а это было гораздо важнее любых покупок.

Народ толпился чуть подальше, там, где стоял ныне исчезнувший ларек. Как будто борцы за права американских горняков свое слово сказали, своего добились – и теперь перебрались туда, где закипела профсоюзная борьба, а на их место явился кто-то совершенно новый.

Анна Викторовна сделала еще десяток шагов, и наконец услышала новую музыку этого места.

Играл аккордеон. Шлягер за шлягером: то, что любили в шестидесятые, и то, что любили в семидесятые, и еще совершенно классические мелодии тридцатых. Он играл непрерывно, переливая одну мелодию в другую, и музыка смешивалась, как краски в банке с водой, образуя то розоватый, то сиреневый, то коричневатый, то зеленый оттенок. Человек, сидевший с аккордеоном на маленьком раскладном стульчике, был совершенно незаметен. Анна Викторовна пыталась разглядеть его, но у нее не получалось: инструмент почти полностью скрывал музыканта от посторонних глаз. Видны были только чуть сморщенные пальцы, уверенно бегавшие по клавишам, да клок желтовато-серых волос, покачивающийся над мехами. Костлявые колени, широко расставленные, обтянутые безликими брюками, выглядели неприступно.

Неожиданно Анна Викторовна поняла, что музыкант не важен. Важно было нечто иное, происходившее внутри круга зрителей. Она перехватила свои авоськи поудобнее и протолкалась в первый ряд.

На крошечном пятачке танцевали. Точнее, танцевала одна пара – очень странная: молодой человек, гибкий, как тореадор, с напомаженными черными волосами, приклеенной улыбкой под нарисованными усами, неподвижными, широко раскрытыми глазами, вел в танго чуть смущенную женщину средних лет. Самую обычную женщину, в бесформенной блузке, выпущенной поверх бесформенной юбки. В растоптанных босоножках. Она танцевала не слишком умело и гримасничала: то прикусывала губу, то вдруг растягивала рот в усмешке. Юноша кружил ее, прижимал к себе, отталкивал и ловил за кончили пальцев, и она болталась в его руках, как гигантский наполненный воздухом шар.

Аккордеонист оборвал мелодию. Женщина сказала юноше:

– Уф! Спасибо.

И положила в раскрытый саквояж пятидесятирублевую купюру. Затем, источая удивительно молодой, пряный запах, скрылась в толпе.

Молодой человек провел ладонями по лицу, встряхнулся – как будто избавляясь от памяти о былой партнерше, – и посмотрел вверх, над толпой.

– Всего пятьдесят рублей! – сказал он. – Любой танец по вашему выбору. Пятьдесят рублей.

Аккордеонист на мгновение показался из-за инструмента, взял стоявшую рядом на земле бутылку с газированной водой, хлебнул и снова нырнул за свое укрытие.

– Танцор международного класса! – сказал молодой человек усталым голосом. – Всего пятьдесят рублей. По вашему выбору.

Аккордеонист наиграл что-то невесомое. Танцор сделал несколько движений на месте – земля как будто не держала его, отталкивала, заставляя кружиться.

Анна Викторовна смотрела, чувствуя, как внутри нее растет жгучая пустота. Эту пустоту требовалось заполнить, иначе она попросту разъест естество, и Анна Викторовна уже знала, что сделает это. Она еще медлила, но авоськи уже стояли на земле, прислоненные к дереву.

Танцор плясал у нее перед глазами, как хлыст. Она смотрела на ноги в безупречных брюках со стрелкой, на лакированные туфли очень большого размера, на приталенный пиджак. Белая рубашка пахла крахмалом. Этот запах смешивался с запахом очень тонкого одеколона. Очень старого. Таким пользовался отец Анны Викторовны.

Она выложила сотню – все, что оставалось от пенсии, свою старческую заначку, которую всегда прятала от дочери, не желая зависеть от нее всецело, – и протянула к танцору руки.

Мгновение она видела свои пальцы, толстые, с обломанными ногтями, – но затем все скрыла элегантная сильная ладонь молодого человека. Музыка началась. Он не спросил, какой танец она выбирает. Он выбрал сам – фокстрот.

И Анна Викторовна, ведомая властными руками юноши, тряслась в веселом фокстроте, мучительно догадываясь о том, как выглядит со стороны: содрогающийся квадратный зад, обтянутый ситцем, и бока как студень… Но пути назад не было, ее обнимали и подталкивали назад, а после тянули на себя, и они делали шажки и повороты, как велела им музыка. Анна Викторовна не решалась поднять голову и посмотреть в лицо своему партнеру. Ей было страшно, и она сама не понимала, отчего. Запах отцовского одеколона мучил ее. Ей хотелось, чтобы танец оборвался, прекратился, сменился чем-нибудь другим. Но испытание длилось и длилось. Неожиданно молодой человек резко остановил ее: как автомат, в котором закончился завод, когда требуется бросить в щель еще одну монетку. Но, поскольку Анна Викторовна оплатила два танца, юноша, выдержав паузу, во время которой не отпускал свою партнершу, начал снова.

Теперь это был вальс-бостон. Анна Викторовна покачивалась и кружилась, влекомая неотвязными руками, и теперь ей поневоле пришлось смотреть в лицо партнеру, поскольку в противном случае у нее начинала кружиться голова, и она боялась упасть.

Он показался ей пластмассовым, как кукла Кен. Он не был красив. Усталый, потрепанный Кен, ветеран множества вечеринок с участием Барби и прочих обожаемых блондинок с замусоленными волосами, в фантастических нарядах, сделанных из обрезков кружева, старых ленточек и носовых платков. Танцуя, он чуть прикрыл глаза. Анна Викторовна не мигая смотрела на его крупные, выпуклые веки, на которых вдруг начали подрагивать голубоватые прожилки.

Неожиданно он проговорил – его губы остались при этом почти неподвижны:

– Следи за ритмом. Не сбивайся.

И сильно потянул ее на себя, а затем развернул, и она действительно едва не упала, таким резким показался ей этот поворот.

Музыка стихла – так внезапно, словно аккордеонист умер. Молодой человек разжал пальцы, и Анна Викторовна осталась совершенно одна. Она растерянно провела ладонью по взмокшему лбу и шагнула в сторону. Ноги плохо слушались ее. Они как будто затекли и норовили подогнуться при первой же возможности. О сумках, оставленных возле дерева на земле, Анна Викторовна забыла. Точнее, смутный образ «чего-то», о чем она почему-то должна помнить, мелькнул в ее сознании, но тут же стерся.

Она схватилась рукой за ствол, запустила пальцы в ложбинки коры. Кругом болтали и перемещались люди, но никто не обращал на Анну Викторовну никакого внимания, и она постепенно успокоилась: по-видимому, ничего странного в ее поведении нет. Подумаешь, у пожилой женщины закружилась голова! Такое сплошь и рядом случается. Если будет долго стоять и хватать ртом воздух, подойдет кто-нибудь с мобильным телефоном и предложит вызвать «скорую». Народ у нас все-таки хороший.

По счастью, пока никто не подходил. Анна Викторовна глубоко, всей грудью вздохнула, и ее легкие наполнились. Она уловила запах мятой травы и вдруг поняла, что много лет уже не различала запахов – во всяком случае, с такой остротой. Конечно, она могла понять, что на кухне что-то подгорело, или ощутить вонь выхлопной трубы, но этим все и ограничивалось. А теперь окружающее наполнилось мириадами оттенков самых разных запахов. Анна Викторовна встретилась глазами с собакой, скучно бродившей возле зевающей продавщицы сосисок, и псина насторожила чуткие уши: поняла, что женщина, как и она сама, погружена в мир обоняния. У каждой сосиски был собственный, неповторимый аромат, и это не мешало собаке улавливать воздушные следы проходящих мимо людей и даже выяснять, что именно лежит у них в кармане. И женщина тоже понимает кое-что из этого.

Анна Викторовна решилась наконец отойти от своего дерева и двинулась дальше по аллее. Возле детской площадки она снова остановилась. На гигантском надувном батуте с надписью «Сочи-83» скакали, вопя, маленькие обезьянки. Их крохотные сандалики стояли рядом на коврике, их мамаши, отделавшись от отпрысков на пятнадцать минут, спокойно курили, с отрешенным видом держа сигарету.

Анна Викторовна задумалась о городе Сочи – каким он был в 1983 году. Тогда еще не было, кажется, политкорректности, зато существовала дружба народов. И можно было поехать отдыхать в Сочи. Интересно, какой путь проделал этот батут? И Анне Викторовне представился гигантский надувной викинг, чья голова в рогатом шлеме раскачивалась наверху. Как он, с сожалением покидая пальмы и теплый морской берег, бежит от войны – прячась в рундуках каких-то попутных поездов, корчась и свертываясь в рулон, забирается на верхние вагонные полки, как он упихивается в камеры хранения, подвергается досмотрам… В конце концов, Александровский парк – не самое худое пристанище для того, кто бежал от войны. Дети лазают по викингу, лупят его кулачками и резиновыми дубинками, викинг глупо, как и положено надувной игрушке, улыбается и сильно раскачивается из стороны в сторону, но Анне Викторовне видится в его улыбке нечто вполне осмысленное.

– Это не вы уронили?

Негромкий мужской голос.

Анна Викторовна обернулась.

– Вы мне?

Давно она не видела таких милых молодых людей. Парень лет двадцати пяти, не старше, с чуть растрепанными темными волосами, смотрел на нее с затаенной улыбкой. В руке он держал батистовый носовой платок – женский.

– Это не ваше?

– Нет…

У него были костлявые плечи, но сразу видно – сильные. В общем, конечно, самый обычный парень. Странно только, как он смотрит на нее. С теплым, настоящим мужским интересом.

– А вас как зовут? – спросил он неожиданно.

– Анна Викторовна, – ответила она, тоже неожиданно для себя, поскольку мгновение назад собиралась кисло улыбнуться в ответ и пойти дальше.

– Как важно! – сказал он. – А меня – Денис. Знаете, у моей мамы есть вырезка из старой «Литературки» – там стихотворение про зиму по имени Анна. Я его каждый раз читаю, когда сажусь за ее стол. У нее под оргстеклом лежит. Царапаное оргстекло, еще из «ящика» притащено, в семидесятые… И представляете – до сих пор лежит!

– Представляю, – сказала Анна Викторовна. Она как-то сразу увидела квартиру с этим большим столом, захламленную мебелью, книгами, дискетами, двумя-тремя поколениями компьютеров и каким-нибудь полудиким котом, который обитает в джунглях – на верхушках шкафов и серванта.

– А вот зимы по имени Денис нет, – добавил он, смешно пригорюнившись.

– Может быть, есть такое лето, – сказала Анна Викторовна. Просто так сказала, думая совершенно о другом.

Но он встрепенулся.

– Вы считаете? – переспросил он. – Вы всерьез считаете, что возможно такое лето? По имени Денис?

Она пожала плечом.

– До свиданья, Денис. Приятно было поговорить.

В его взгляде скакнуло отчаяние.

– Вы уходите?

– А что мне делать?

Она удивлялась все больше и больше. Молодой человек перестал казаться ей приятным. В последний раз с Анной Викторовной заговаривали на улице – вот так, ни о чем, – лет тридцать назад, и она восприняла это как курьез: в возрасте двадцати трех лет она уже считала себя чересчур солидной для уличных знакомств. И вот – нате! В пятьдесят с хвостом – началось! Вспомнился извращенец-другой из числа любовно показанных в передаче «Дежурная часть: Питер». Анна Викторовна холодно поджала губы.

– До свидания, Денис.

И пошла дальше. Теперь ноги слушались гораздо лучше. Только сандалии противно приклеивались к пяткам и хлопали при каждом шаге. Спустя несколько минут Денис догнал ее и что-то сунул в руку.

– Что это? – Она вздрогнула. – Вы с ума сошли?

Это был батистовый платочек, на котором синей шариковой ручкой был нацарапан номер мобильного телефона.

– Просто возьмите, – сказал он. – Позвоните, если захочется. Позвоните зимой. Я верю в такие встречи.

Она хотела с негодованием выбросить платок, но он сам собой заполз к ней в кармашек. Анна Викторовна давно забыла о том, что на ее сарафане имелся кармашек, потому что никогда не пользовалась им – слишком туго натягивалась ткань на животе. Но кармашек был и как будто ждал своего звездного часа.

Анна Викторовна отдернула руку. Денис отступил на шаг, и она поняла, что он и не собирался удерживать ее.

Она почти побежала.

Только на лестнице Анна Викторовна поняла, что где-то забыла авоськи с продуктами. «Отдышусь, а потом пойду забирать, – подумала она. – Или дочь попрошу. Пусть поможет. Она, должно быть, уже вернулась с работы».

Дочь действительно была дома. Услышав знакомый голос – «это я», она открыла дверь и отступила на шаг в полутемную прихожую.

– Вам что нужно? – спросила она. Анна Викторовна с удивлением поняла, что дочь чем-то испугана. Дочь часто смотрела передачу «Дежурная часть: Питер». Она говорила, что имеет право «знать».

– Как – «что нужно»? – засмеялась Анна Викторовна, пытаясь войти в квартиру.

Но дочь метнулась ей навстречу, держа в руке бутыль с кислотой. Бутыль была заготовлена заранее – на случай вторжения в квартиру террористов.

– Ты куда, а? Куда лезешь? – закричала она тоненько и скособочила рот.

– Да пусти же! – Анна Викторовна попыталась оттолкнуть ее, но та шарахнулась и приняла угрожающую позу.

– Оболью! Не подходи!

Анна Викторовна замерла. Должно быть, дочь сошла с ума. По женской части. Такое случается. Хоть бы любовника себе завела, что ли, – так нет, мадам Ходячая Добродетель нахо-

дится в вечных поисках Вечной Любви. Согласно утвержденной схеме, Вечная Любовь должна выглядеть так: Он полюбит ее такую как есть, то есть с насморочным носом, изжеванным лицом и обыкновением непрерывно жаловаться громким плаксивым голосом. За этой маской Он обязан сразу разглядеть Тонко Чувствующую Душу – и вести себя соответственно. И напрасно Анна Викторовна твердила, что так не бывает.

«Как же Он сходу угадает, что ты добра, заботлива и мила, если ты столь удачно скрываешь это обстоятельство?» – вопрошала Анна Викторовна.

«А вот!» – отвечала дочь. Возразить, разумеется, было нечего…

И вот – готово. Свихнулась.

Лучше уйти, соображала Анна Викторовна. Неровен час плеснет. Ее в дурку упрячут, а мне ходи до конца дней с пятном на физиономии… если в глаза не попадет.

Все-таки она попыталась еще раз.

– Доченька, – проговорила Анна Викторовна вкрадчиво.

– Какая я тебе доченька! – закричала дочь пуще прежнего. – Ходят тут, побираются! Прошлым годом мед продавали! Ваши, небось? Тоже влезла молодуха: «доченька, доченька»… – а потом весь мед сахаром пошел! Знаю я вас!

В прихожей стояло зеркало. Большое, мутное, с очень старых времен. Бог знает, какие красавицы в нем когда-то отражались, какие лихие господа вертели пред ним усами, а теперь оно было пыльным и облупилось. Сверху, на облезлой, но все еще резной темной раме, висели старые бусы. Если в прихожей сильно топали, зеркало чуть покачивалось, и бусы постукивали о стекло.

И сейчас, когда дочь тяжко переваливалась с ноги на ногу, бусы снова ожили, и Анна Викторовна невольно посмотрела в их сторону.

И увидела…

В глубине покрытого пылью зеркала стояла юная девушка. Совсем юная – лет восемнадцати. Должно быть, она не была особенно красивой, но размытость образа наполняла ее загадками. Темные густые волосы девушки были пыльными и успели засалиться. Анна Викторовна коснулась своего виска и ощутила пальцами давно забытое прикосновение живого волоса. И девушка в зеркале сделала то же самое.

Анна Викторовна обхватила себя пальцами за талию. Сильное молодое тело отозвалось на прикосновение, с готовностью изогнулось, шевельнуло бедром.

Неожиданно Анна Викторовна расхохоталась. Она смеялась и смеялась, слезы текли у нее по щекам, и под конец она даже начала икать от смеха.

Хозяйка квартиры с бутылью кислоты застыла в нелепой позе, явно не зная, что ей делать. Зато Анна Викторовна – знала.

– Простите, девушка. Голубушка, простите, ради Бога, – сказала она, обтирая лицо носовым платком, извлеченным из кармашка. – Можно, я позвоню от вас?

– Иди отсюда, – нерешительно сказала дочь и чуть шевельнулась.

– Я быстренько, – и Анна Викторовна нахальным, быстрым жестом схватила с трюмо старый черный телефон.

Дочь, все еще с бутылью, встала рядом, бдительно следя за каждым действием незнакомки. Анна Викторовна разложила платок и набрала номер.

Ответили не сразу, а когда ответили – слышны были гул проезжающих мимо машин и невнятные голоса.

– Денис? – спросила Анна Викторовна. – Ты все еще в парке?

– Кто звонит? – Он отвечал спокойно, даже чуть недовольно, и Анна Викторовна вдруг испугалась: да что она знает, в конце концов, об этом Денисе!

И тут голос молодого человека изменился:

– Это вы?

– Ну… – сказала Анна Викторовна (девушка в зеркале улыбнулась хитровато и завела глаза к потолку). – В общем, да. Зима уже наступила. Без предупреждения. Дождись меня, ладно? Я скоро.

Она бросила трубку, выскочила из квартиры и побежала вниз по лестнице.

Невидимые карлики Часовной горы

Домашнее имя Ульяны было «Кика». Так называла ее мама. «Кика» – сокращенное от «кикиморы», о чем, естественно, кроме Ульяны и мамы, знали только два или три человека на всей земле.

Ульяне было шесть лет, а городу Петербургу, где она жила, – ровно триста, и ради такой круглой даты все дарили ему подарки. Дата была круглая, как циферблат, и потому, по мнению Ульяны, самым подходящим подарком были бы часы. Еще эту дату называли «зоолетием» – из-за цифры «300», которая теперь была видна повсюду. Мама морщила нос и говорила, что эта шутка – дурного тона, но Ульяне нравилась и она, поскольку имела отношение к зоосаду, а зоосад располагался в том самом Александровском парке, где она часто гуляла с мамой и откуда выходили, чтобы катать детей, пони и большие лошади, а еще – медвежонок и сварливая обезьянка в платьице.

Поэтому Ульяна сочла абсолютно закономерным, когда в Александровском парке возвели Часовную гору.

Теперь гулять по парку стало вообще сплошное удовольствие. По центральной аллейке вместе с пешеходами перемещались игрушки с механизмом внутри. Игрушки пищали неестественными голосами, их глаза пылали. Наверное, их можно было купить, но мама никогда не решалась на подобное. Огромная серая крыса, «как живая», с горящими лампочками на острой морде, лазающая по паркету, представлялась ей жутким зрелищем. Мама так и сказала: «Нет, это настоящий кошмар». Была там еще кукла, певица в жестком, очень блестящем платье: она механически двигала руками с приклеенным микрофоном и невнятно пела сиплым голосом. Голос доносился у нее из живота. Механическая собачка энергично махала хвостиком, тявкала на нее и пыталась опрокинуть, а бравый солдат в камуфляжной одежде подползал кукле под юбку и энергично сучил ногами: кукла мешала ему ползти дальше, и он застревал в ней. Мама говорила, что солдат – парень не промах. Глядя, как он стреляет из своего вспыхивающего автомата, в это легко было поверить.

Над механическими игрушками покачивалась огромная связка воздушных шаров, но они привлекали Ульяну куда меньше.

Вдоль всей аллейки были установлены автоматы для взвешивания и определения роста. И хотя на автоматах редко можно было видеть желающих выяснить свой рост и вес, голос женщины-роботессы неустанно выкликал: «Добро пожаловать, добро пожаловать, ваш рост – 150 сантиметров, ваш вес – 50 килограммов, ваш вес идеален, ваш вес идеален…»

Ульяну жутко интересовало: о ком говорит этот голос?

– Кто сейчас взвешивается, мама? – спрашивала Ульяна, нарочно повисая на маминой руке всей массой, чтобы задержать ее возле весов. – Там же никого нет. Про кого она говорит – «ваш вес идеален»?

– Ни про кого, – отвечала мама. Она думала о другом. – Это абстрактно.

– Но ведь о ком-то сейчас говорили – «ваш вес идеален»? – приставала Ульяна.

– Просто рекламное зазывалово, – сказала мама, высвобождая руку. – Перестань на мне висеть!

Мама однажды рискнула и воспользовалась автоматом, попросив предварительно оператора отключить громкий оповеститель:

– Нечего кричать на весь парк, что у меня лишние килограммы.

Оповеститель отключили, и маму наделили бумажкой, похожей на чек из магазина: «Вы немножко полный 5 килограмм».

– Вы немношко полный, – повторила мама, имитируя немецкий акцент, и выбросила бумажку в урну.

Но самым интересным местом, несомненно, была Часовная гора.

Эту гору подарили Петербургу на день рождения швейцарские часовщики. Они насыпали большой холм, засадили его травой, внутри холма поместили часовой механизм, а стрелки вывели на склон – на красивую клумбу. Разноцветные цветы образовывали сложный узор – цифры, начиная с полуночи. Полночь была временем Золушки.

Возле циферблата непрерывно фотографировались туристы: так и шли чередой, один за другим, усаживались у подножия холма и улыбались фотоаппаратам. Ульяне это почему-то льстило. Как многие дети, гулявшие в парке, она считала Часовную гору своей собственностью.

Там она познакомилась с девочкой по имени Маруся. Маруся была старше на три года, она очень много знала и сразу принялась рассказывать Ульяне различные вещи. Иногда она пугала Ульяну страшилками, а потом дразнила и безжалостно хохотала над ее страхами. Но Ульяна никогда подолгу не дулась.

В середине июня Маруся должна была уезжать на дачу.

– Я завтра не приду, – сказала она своей новой подруге. – Я вообще больше не приду, только в конце лета, но это будет очень нескоро.

Ульяна сказала:

– Мы тоже уедем. А в конце лета я пойду в школу.

– Все равно, когда ты будешь в первом классе, я буду уже в четвертом, – сказала Маруся безжалостно. Но все-таки она была хорошая, потому что вытащила из кармана маленький ключик и подарила его Ульяне. – Возьми.

– Что это?

Ульяна схватила ключик и принялась засовывать в крошечное отверстие крошечный пальчик.

– Ну, это волшебный ключик, – смилостивилась Маруся. – Я нашла его сегодня, когда шла сюда. У нас во дворе. Он там лежал. Его потеряла одна фея. Она его больше никогда не найдет, так что я лучше взяла его себе.

– Может быть, пусть он лучше будет твой? – спросила Ульяна. На всякий случай.

– Ну вот еще! Это был тебе подарок, – сказала Маруся. – Если смотреть сквозь это колечко, то можно увидеть невидимые вещи.

– Так не бывает, – сказала Ульяна. – Так только в мультиках бывает.

– Можешь не верить, – сказала Маруся.

Ульяна сунула ключик в карман, и они побежали играть вместе в последний раз. Игра заключалась в том, чтобы сбегать с горы, а потом карабкаться опять наверх и некоторое время там беседовать – до тех пор, пока одна из девочек не спросит: «А ты умеешь вот так?» – и не попытается, к примеру, постоять на голове.

Когда Маруся ушла, и Ульяна тоже спустя какое-то время отправилась домой, о ключике было на время забыто. Девочка вспомнила о нем только на следующее утро, когда пришла опять в парк с мамой, и Часовная гора ждала ее на прежнем месте, но Маруси там уже не было. Ульяна вытащила заветную вещицу и посмотрела сквозь узорное колечко. Все вокруг выглядело немного расплывчато. Тогда она прикрыла второй глаз и сощурила тот, к которому поднесла ключ.

Часовная гора оставалась неизменной, и люди вокруг – тоже, и вообще ничего особенного не происходило, так что Ульяна подумала было о Марусе с горечью: та имела обыкновение посмеиваться над наивностью младшей подруги.

И тут кто-то дернул ее за подол платья и проговорил глуховатым голосом с сильным немецким акцентом:

– И вы будьет продолшать нас отнюдь не замечьять?

Ульяна так и подпрыгнула и от неожиданности выронила ключик. Рядом никого не оказалось. Голос принадлежал неизвестно кому. Девочка быстро пошарила по траве, нащупала холодный металлический предметик, подняла его и снова поскорее поднесла к глазу.

На нее смотрел странный господин. Он был чуть выше полуметра ростом, бледный, аккуратно выбритый, в белой рубашке, темных мягких брюках и коричневой кофте с отвисшими карманами. На ногах у него были пушистые тапочки. Ульяна затруднилась бы определить его возраст – во всяком случае, у него было взрослое лицо.

– Ой, какие у вас чудные тапочки! – сказала Ульяна.

Человечек панически глянул на свои ноги, вскрикнул: «Мне нет оправданий – я позабыль переодеваться для улиц!» – и прыгнул куда-то на склоне. Ульяна побежала за ним.

– Погодите!

Но он махнул в прыжке рукой:

– Я должен приобрести надлешащий вид!

После чего пропал. Сколько бы Ульяна ни всматривалась сквозь колечко, она ничего не видела. Должно быть, в склоне Часовной горы имелась какая-то потайная дверца. А коль скоро дверца потайная, то разглядеть ее даже сквозь волшебный ключ не так-то просто.

Ульяна уселась на траву и, поигрывая марусиным ключиком, призадумалась.

Тот, кого она увидела, несомненно, не был человеком. Этому она поверила сразу, и открытие наполняло ее потайной радостью. Хорошо бы познакомиться с ним поближе, решила Ульяна. Но сколько она ни ждала, сколько ни таращилась вокруг себя, прижимая ключик к глазу с такой силой, что оставались красноватые вмятинки на скуле и под бровью, – ни одного карлика разглядеть больше не удалось.

Все два часа прогулки Ульяна думала о встрече, а по дороге домой с торжеством объявила маме:

– Я знаю, кто взвешивается на этих весах.

– На каких весах? – удивилась мама.

Ульяна, по обыкновению, заговорила без всяких предисловий, и потому маме не всегда удавалось сразу вникать в ход ее мыслей.

– Ну, там где никого нет, а голос объявляет, – пояснила она. – Я думаю, голос объявляет неправду.

– Почему?

– Ну, помнишь, ты взвешивалась, и вообще ничего не говорили, а только дали тебе бумажку.

– Это не имеет отношения к делу, Кика, – сказала мама.

– Имеет! – Ульяна надула губы. Дело было очевидным. – Они боятся, что выросли и не поместятся в Часовной горе.

– Кто?

– Невидимые карлики. Поэтому они и измеряют рост и вес.

Это же очевидно! Весы появились в парке одновременно с Часовной горой. И тоже говорили с немецким акцентом. То есть, механический голос звучал по-русски, но вот на бумажке, которую выдали маме, акцент был. Мама сама же это заметила, когда прочитала напечатанное на ней вслух.

Мама сказала:

– Хочешь мороженого?

И Ульяна поняла, что пора сменить тему.

На следующий день карлик был там и ждал ее. При виде девочки, торопливо подносящей ключик к глазу, он поднялся и церемонно поклонился. На ногах у него были лакированные туфли.

– Прошу меня извиняйть, – произнес он. – За мой вчерашний диффензив. Когда я убегайт.

Ульяна милостиво махнула рукой.

– А как вас зовут? – спросила она, усаживаясь рядом.

– Генрих, – сказал карлик. – Есть еще Фридрих, Ульрих и Цирлих.

– А меня иногда зовут Кика, – сказала девочка. Ей тоже захотелось блеснуть экзотическим именем. – Полностью – Кикимора. Но это прозвище.

– Вы не есть кикимор, – убежденно проговорил Генрих. – Мы наблюдать здесь кикимор, они абсолютно иной.

– Еще меня зовут Ульяна, – сказала Ульяна. – А как выглядят кикиморы?

– Иной, – повторил карлик.

– Ну, например?

– Они обладайт зеленый волос. Длинный рука. Скверный нрав.

– А где они живут?

– Они обитайт под земля. Иногда – возле метрополитен. Они полюбиль метрополитен. Петерсбург – город на болоте, здесь много кикимора и все любят метрополитен. У нас был некоторый проблем, но мы искать общий язык, – сказал карлик.

– А вы из какой страны?

– Швайц, – сказал Генрих. – Швейцария. – Выговорить название страны по-русски получилось у него с трудом.

Ульяна важно произнесла:

– Это вполне закономерно, потому что часы – тоже из Швейцарии.

– Это есть наша гордость! – Генрих очевидно разволновался. Он привстал и сделал несколько энергичных движений рукой. – Мы получать вашный заданий – ехать в Россия, в Санкт-Петерсбург и следить за часы! Сейчас часовой механизм другой, чем традиционный, но тоше ошень вашный…

– Он там, внутри горы? – Ульяна гордилась собой все больше и больше. Теперь многое становилось понятным. Например – для чего потребовалось насыпать такой большой холм. – И вы живете – там, возле механизма?

Генрих встал и склонил голову.

– Я имейт честь приглашать вас внутрь гора, – проговорил он. – Ненамношко. Вы уметь пользоваться монокль?

– Как это? – не поняла Ульяна.

Карлик вынул из кармана круглое стеклышко, скорчил зверскую физиономию и зажал кругляшок в глазу.

– Приблизительно так. Нушно держать ключик…

Ульяна попробовала – получилось. Генрих кивал одобрительно, как будто ему нравилась перекошенная и покрасневшая от напряжения физиономия девочки.

– Это есть нишего не поделайт, потому што иначе вы нишего не увидеть…

И, схватив Ульяну за руку, Генрих потащил ее вверх по склону. Он раздвинул ногой высокую траву, и открылась небольшая дверца из какого-то светлого, очень прочного на вид материала. Генрих деликатно постучал по ней носком твердой туфли. Изнутри вдруг заскрежетало, затем дверь медленно отворилась внутрь, и явилась лесенка. Дубовые ступеньки уводили вниз, внутрь горы.

Ульяна храбро ступила на первую, и тотчас чьи-то крепкие руки подхватили ее под локти, а голоса невидимых карликов заговорили по-немецки, очень быстро и весело. «Пряные голоса, – подумала она. – Как будто они все время едят корицу. Вот это волшебно!»

И ей ужасно захотелось пряников или ванильного пирога.

Кругом, в темноте, что-то тихонько стучало и жужжало. Потом вдоль стен быстро пробежали голубоватые огоньки, и осветилось небольшое, тесно заставленное помещение. Длинный ряд ламп тянулся вдоль стен и уходил в глубь горы.

Ульяна увидела, что стоит на самой последней ступеньке. Дальше начинается пол, выложенный пестрыми, черно-белыми плитками. Все четверо невидимых карликов Часовной горы стояли рядом с ней и приветливо улыбались: Генрих – открыто, красиво, Фридрих – во весь рот, чуть дурашливо, Ульрих – уголком рта, кривовато, а Цирлих – не разжимая губ, сдержанно.

Они все были очень разные. Фридрих был моложе остальных и носил джинсы и футболку, а Цирлих – с седой бородкой, в бархатной домашней куртке. Ульрих был явным интеллектуалом, только Ульяна, в силу своего возраста, этого не понимала, и он просто нравился ей таким, как она его видела, – в ужасном ярко-фиолетовом пиджаке с искрой и с искусственной розой из листового золота в петличке.

– Я Ульяна, – представилась девочка. – Я вас вижу.

Они торжественно пожали ей руку и повели показывать свои владения внутри Часовной горы.

В самой глубине помещался механизм, приводящий в действие стрелки. Раньше такие механизмы были по-настоящему механические, с колесами и шестеренками, и пожилой Цирлих помнил их очень хорошо, а Фридрих не помнил уже совершенно. Для того, чтобы карлики чувствовали себя уютно, швейцарские мастера-часовщики, их коллеги, установили возле стены несколько шестеренок, и те вращались с легким поскрипыванием, но и эти шестеренки, как и сами часы, приводились в действие электрическими батареями.

Когда настанет зима, часы будут спать, объяснили Ульяне. Цветочную клумбу и стрелки закроют специальным деревянным ящиком. Петербург – поразительный в этом отношении город, здесь многие чудесные вещи впадают в зимнюю спячку: например, статуи, фонтаны и даже некоторые музеи.

Заснет и часовой механизм. Погаснут огоньки батареи. У карликов Часовной горы настанет спокойное время: они будут перебирать механизм, производить профилактику, проверять разные узлы и детали, все смазывать и вообще заниматься чудесной мелкой работой. Сейчас нет возможности посвятить себя этому, слишком много хлопот.

– А где вы живете? – спросила Ульяна, перетрогав под ревнивыми взглядами хозяев все лампочки и разные круглые детальки. Особенно некоторые вызывали у нее желание отковырять их со стенда и утащить, чтобы потом разобрать на досуге и поглядеть – что там внутри.

Должно быть, Цирлих как наиболее опытный из всех догадался о том, какие желания бродят в голове их гостьи, потому что охотно согласился показать ей жилые помещения и таким образом утащить девочку подальше от соблазнительных предметов.

Каждый карлик занимал собственную крохотную комнатку. Потолки у этих комнат были скошенными, поскольку повторяли пологую форму горы, и от этого помещения казались еще более уютными. В самой низкой части комнаты находилась металлическая кровать, застеленная тяжелым стеганым одеялом. На стене, под изогнутой лампой, висели гравюры, изображающие Вильгельма Телля и виды озер в швейцарских горах. На полках стояли крохотные книжки, только у Фридриха имелся компьютер, а книг не было вовсе.

Ульяна с интересом все пересмотрела и перетрогала, а потом сказала:

– Какие книжки-малышки! У нас дома тоже есть, разные стихи, только они на русском.

Ей хотелось расспросить своих новых друзей обо всем. Например, не скучно ли им здесь, где у них совсем нет знакомых? Наверное, трудно уехать из дома и поселиться где-то в совершенно незнакомом месте! Ульяна даже представить себе не могла, чтобы ей пришлось жить не возле Александровского парка и вообще не в Петербурге.

Ей было трудно выразить словами все то, что она чувствовала, и потому она просто сказала:

– Я буду с вами дружить.

Фридрих протянул руку куда-то вверх и потянул за шнур. Из-под потолка упала и повисла, почти касаясь макушки Ульяны, большая люстра. Фридрих дернул за второй шнур, свисавший с самой люстры, и вспыхнул свет. Ульяна увидела, что стоит возле круглого стола с очень толстыми, как бы пузатыми, ножками. На скатерти уже расставлены чашки из тонкого фарфора, разрисованные всякими пастушками и овечками – явно старинными. Но какао помещался внутри очень странного сосуда, имевшего сходство с чем-то таким, что показывают в кино про полеты в космос.

– Весьма полезный изобретений, – объяснил Генрих. – Герметичный. Какао не остывайт.

Девочку усадили и стали наперебой угощать крохотными печеньями и шоколадками.

Перемазавшись основательно и тем, и другим, Ульяна сказала:

– Меня, наверное, мама ищет.

Тут все четверо карликов глянули на часы, моргавшие далеко в глубине помещения, уходящего под уклон в гору, и Генрих сказал:

– Ну, нет. Прошель всего пять минут.

«Конечно, – подумала Ульяна. – Раз они карлики, то у них и время должно быть маленькое…»

Она потянулась за новой чашкой какао, и тут ключик выпал из ее глаза.

Она сразу оказалась в полной темноте, и ей стало трудно дышать. Ульяна перепугалась до смерти и захотела крикнуть, но не смогла. Она ничего не слышала и не чувствовала – до тех пор, пока сильные, быстрые руки не вправили ключик обратно, да так ловко и сноровисто, что сомнений быть не могло: так умеют действовать только прирожденные швейцарские часовщики.

– Ой, – сказала Ульяна и заплакала.

Цирлих взял ее за руку и повел наверх. Открывая дверь, он провел по ее щеке ладошкой и погрозил ей пальцем, а потом скрылся. Ульяна уселась на траве. Мама спокойно сидела на лавочке с книгой. Вот она нашла дочь глазами, кивнула ей и снова принялась читать.

Ульяна перевела дыхание. Все, кажется, в порядке.

Несколько дней Ульяна ни о чем не могла думать, кроме своих новых друзей. Она сделалась невероятно молчаливой, и мама несколько раз измеряла ей температуру, чтобы проверить, не больна ли дочь. Обычно девочка болтала без умолку.

Как назло, зарядили дожди. Мама говорила, что «лето выключили и неизвестно, когда включат», – приходилось сидеть дома. Ульяна собирала подарки для карликов. Она стянула с полки книжку миниатюр «Камеи Государственного Эрмитажа» – там, по крайней мере, красивые картинки. Собрала пластмассовую кукольную посуду, которой очень дорожила – из-за изображения Барби на чашечках. И вдобавок – свой любимый батистовый носовой платок, в который мама запрещала сморкаться, потому что он «для красоты».

Все это она уложила в обувную коробку и еще потратила полдня на изоготовление подарочного банта.

Наконец настал солнечный день, и мама согласилась на прогулку. Ульяна засунула свой подарок в пакет и дала клятвенное обещание, что потащит свои игрушки самостоятельно. И действительно, всю дорогу до Часовной горы она волокла этот пакет, хотя он то и дело стукал ее по ноге. Мама безжалостно отказывалась помогать ей и что-то говорила об ответственности за собственные решения.

Зато внутри горы девочка была полностью вознаграждена. Карлики обступили ее, как старую знакомую. Цирлих был закутан в плед и сипел трубкой. Генрих пояснил:

– У нас проблем с табак.

– Я могу собрать окурки, – мужественно предложила Ульяна.

Генрих перевел ее слова остальным, и они дружно замотали головами.

– Мы не можем просить барышня о таком деле, – объявил Генрих. – Это невозмошно. К тому ше трубка не курится такой табак. Возмошно, есть реальность передайт клюшик какой-нибудь молодой человек… Ты иметь старший брат?

– Нет, – сказала Ульяна. – И вообще, я не хочу отдавать мой ключик.

– На время, – пояснил Генрих. И показал пальцем на часовой механизм. – На короткий время.

– Большие ничего не понимают, – сказала Ульяна. – Они ничему не поверят. Я могу отправить ваше письмо в Швейцарию. Мама согласится помочь. Пусть вам пришлют оттуда.

– Мы пыталься купить, но нас не видьят, – сказал Генрих печально.

Ульяна сказала:

– А я вам принесла подарок!

Они спустили с потолка большую люстру, поставили на стол коробку с криво приклеенным бантом и сняли крышку.

Некоторое время они переговаривались, затем Генрих решительным тоном обратился к Ульяне:

– Мы не мошем принимать такой дорогой подарок!

В глубине души Ульяна была рада, потому что вдруг ей стало ужасно жаль чашечек с изображением куклы Барби. Но она, как и положено, нахмурилась и сказала:

– Возьмите хотя бы платок и книжку! Там очень красивые картинки. Кстати, раз вас никто не видит, вы можете сходить в музей. Мама говорит – там разные сокровища. И много часов.

Карлики переглянулись. Фридрих смешливо двигал бровями и все время порывался что-то сказать, но Цирлих решительно его останавливал.

Ульяна выложила на стол книжку и платок, а чашки сунула обратно в коробку.

– Ну, я пошла, – сказала она. – Увидимся завтра!

И выбежала наверх поскорее, пока ее не задержали.

Настроение у нее было странным. Ей было и приятно, и как-то не по себе. С одной стороны, конечно, хорошо, что им не понадобились чашки… С другой, мама говорит, нехорошо уносить свои подарки обратно…

В этот день Ульяна познакомилась с одним мальчиком, чуть младше, чем она сама, и они вместе ходили смотреть на медвежонка и даже гладили его. На ощупь медвежонок был сальный и неприятный – не то что собака или кошка. Он глуховато рычал и все время обхватывал лапами ствол дерева – пытался забраться наверх. Хозяин держал его на поводке.

А вечером обнаружилось, что Ульяна потеряла свой волшебный ключик.

Она перерыла все свои вещи, перетряхнула карманы, проверила коробку и пакет, в котором носила подарки, – в общем, все, но ничего не обнаружила. Ключик, видимо, выпал, когда она бегала по Часовной горе. А может быть – когда гладила медвежонка.

Ульяна заснула в тревоге. Но и на следующий день ключик не отыскался. А еще через день мама наконец увезла Ульяну в деревню, и наступило совершенно другое лето.

Она вернулась в город в конце августа. В Александровском парке уже разложились «школьные базары», и повсюду продавались тетрадки, линейки и прочие чудесные вещи. Музыка, доносившаяся из открытых кафе, звучала совершенно по-осеннему, и возле входа в метро продавали осенние цветы – астры и гладиолусы.

В самом начале лета Ульяна немного скучала по карликам из Часовной горы, но потом случилось столько разных событий, что четверо невидимых швейцарских часовщиков постепенно почти совсем изгладились из ее памяти. Она важно ступала мимо прилавков, разглядывала разные картинки на обложках школьных дневников и рылась в пестрых ворохах карандашей, выискивая какой-нибудь покрасивее.

Механические игрушки по-прежнему путались под ногами, и Ульяна бережно перешагивала через них, если они оказывались у нее на пути.

Мама сказала:

– Какая ты у меня большая!

Ульяна была с ней согласна. Ей нравилось быть большой. За лето она хорошо подросла и разрумянилась.

Она заново узнавала Александровский парк. Многие цветы выгорели и поблекли за те два жарких месяца, что отпущены Петербургу в качестве летних. Листья стояли пыльные и ждали времени постареть и упасть. Лето как будто утомилось – слишком уж большие усилия приходилось ему прикладывать, чтобы удержаться здесь, на шестидесятой широте, – и теперь вот-вот готово было сдаться.

– Ваш рост – пятьдесят сантиметров! – раздался механический голос совсем рядом. – Ваш вес – двадцать килограммов! Вы немножко слишком худой! Обратите внимание на питание!

– Кто теперь взвешивается? – спросила Ульяна маму. – Как ты думаешь?

– Там никого нет, – сказала мама. – Это просто реклама, Кика. Чтобы мы тоже пошли и взвесились.

– Так давай взвесимся, – сказала Ульяна. – Ну мама! Мне хочется! Ты же сама говоришь, что я выросла.

– Ладно, – сказала мама.

У нее был удивленный вид.

Ульяна спросила:

– А почему ты удивляешься?

– Потому что ты раньше никогда этого не хотела.

– Ну, – сказала Ульяна, но продолжать не стала.

Она сняла на коврике обувь и встала на весы. Сверху плавно опустился измеритель роста, затем внутри весов щелкнуло. В этот момент кто-то незримый проговорил еле слышно:

– Привет, Кика…

А затем, заглушая этот шепот, зазвучал механический голос – на весь парк:

– Ваш рост – сто двенадцать сантиметров. Ваш вес…

Невидимка тихо тронул девочку за локоть, другая рука коснулась ее пальцев. Она явственно почувствовала, как бородка щекочет ей ухо.

– Здравствуй, Ульяна…

– Здравствуй, Кика…

– Ты не есть кикимор, ты гораздо лучший…

– Мы искать ключик… Мы его еще не найти…

– Мы делать другой ключик… Мы посылать запрос в Швайц…

– Ай! – сказала Ульяна, подпрыгивая на весах. – Щекотно!

– Вы немножко слишком худой, – бесстрастно сообщил механический голос.

– Я так и знала, – сказала мама. – Шкилетина. Слезай с весов. Теперь весь парк знает, что я морила тебя голодом.

Ульяна спустилась на коврик и обулась. Невидимые карлики уже ушли, но у девочки до сих пор бегали щекотки по бокам и ладоням. Она улыбалась и ежилась.

Дым родного очага

Возле самой станции метро, перегораживая подходы к ней, стоял саксофонист. Он был чуть пьян, но развязен совершенно несообразно своему состоянию. Сидевший поблизости, на парапете подземного перехода, старик-бомж поглядывал на него с осуждением.

Вполне приличный саксофон был прилеплен к его рту, как мятая «беломорина», и обращался музыкант с ним соответственно: дул, как ни попадя, отчего и самый инструмент выглядел замусоленным и мятым, сходно со своим хозяином.

Музыки не получалось, но саксофониста это не смущало. Обрывая тему на любой ноте, он набрасывался на прохожих и требовал с них денег. Те брезгливо шарахались и некоторые откупались монеткой, что вызывало у получившего презрение:

– Что, бумажку дать было нельзя?

Женщина, проходившая мимо под руку с мужем, гордо, громко проговорила:

– Я подаю только тем, кто мне нравится!

Саксофонист закричал:

– Нужна ты мне! Больно ты мне нравишься!

Женщина и бровью не повела. Она хорошо знала, что нравится своему мужу. Ее не интересовал какой-то там мятый саксофонист.

– Он монстр, – сказал ее муж. – Измельчавший орк, который явился сюда топтать музыку.

При упоминании о монстрах старик-бомж чуть шевельнулся, двинул бровью и усмехнулся. Этот бомж часто околачивался здесь. Как и многие, он приходил сюда только отдыхать, а попрошайничал где-то в другом месте. Поэтому, видимо, он и позволял себе улыбаться и тем самым слегка разрушать образ несчастного бездомного старца.

Оба супруга уселись чуть в стороне, игнорируя стоны обиженного саксофона.

Это была не слишком молодая супружеская пара – из тех, у которых уже позади первая половина жизни, со всеми ее бурями, скандалами, «зудом седьмого года» и прочими неприятностями. Впереди расстилалась вторая половина – ровная, уютная равнина с купами кудрявых кустов и чудесными шумными рощами, где между корнями деревьев непременно прячется родник.

Они сбежали из дома, от детей, от забот и немытой посуды, – на целых два или даже три часа они удрали, и дети не успели их остановить. Теперь они бродили возле станции метро, намереваясь просто погулять, держась за руки, и выпить пива – наедине, без телефонных звонков, без внезапных появлений ребенка с разбитой коленкой.

В Александровском парке можно встретить немало таких супружеских пар. Здесь старичок со старушкой кушают мороженое, как делали почти пятьдесят лет назад. Изменилось мороженое, изменились даже пролетающие в воздухе птицы – прибавилось чаек и уток, – изменились и сами влюбленные, – но только не восхитительное чувство свободы и любовного свидания. Вот что осталось неизменным и передалось по наследству более молодым завсегдатаям.

И почтенные супруги тянут темное пиво и болтают, как школьники, сидящие после уроков на заборе возле школы, и снисходительно посматривают на молодежь, проносящуюся по парку бесформенными стайками.

Постепенно темнело. Осень дышала протяжно, и листья прилетали откуда-то из глубин парка, чтобы мазануть по ногам и прибиться к разноцветному кудрявому подолу, что вьется возле музыкального киоска. Бессвязная песенка булькает из динамика, и уже появился сумасшедший с невидимой гитарой.

Он был оборван и чумаз, но не это обособляло его от остального человечества: маленькое, изжеванное лицо не оборачивалось навстречу той реальности, которую предлагала обычная жизнь; оно было вечно обращено к чему-то иному, чего прочие не видели.

Широко расставив ноги и заранее исказившись в страдании творчества, он принимался бить кистью руки по струнам, которые могли бы располагаться у него на животе. И хотя струн никто не видел, это вовсе не означало, что их не существует.

Он гримасничал и извивался всем телом, и плоская гитара сильно била его по плоскому животу. Он был из числа тех, кого процесс творчества искажает и обезображивает.

Осень постепенно растворялась в портере и вместе с ним хмельно расходилась по жилам, превращая людей в своих агентов: у них делались осенние глаза, они вели осенние разговоры, и сумерки становились для них хрустальными, ломкими. Все сплеталось в прозрачном синеватом воздухе – голоса и разрозненные музыкальные ноты.

Сумасшедший с невидимой гитарой принадлежал парку, мятый саксофонист был пришлым. Поэтому саксофонист мог стать опасным.

Устав от пустой беготни за прохожими, он бросил инструмент в футляр, бешено огляделся по сторонам и снова увидел тех супругов, что так презрительно прошли мимо него. Негодующе двинув сытым ртом, он двинулся к ним.

Муж встал.

– Ну, – сказал он, сжав кулаки, – что тебе надо?

Было очевидно, что он предвидел такой поворот событий и готовился заранее. Саксофонист произнес несколько бессвязных слов. Он захлебывался от злости.

Женщина с восхищением смотрела на своего мужа. Потом она случайно встретилась глазами с саксофонистом, и тот содрогнулся всем телом: во взгляде женщины появилась скука. Она не боялась, даже не досадовала – просто скучала.

И тут случилась очень странная вещь.

Из полумрака высунулась рука. Длинная, с костлявыми пальцами, поросшими рыжей шерстью. Рука схватила саксофониста за бок. Когти вышли из пальцев и впились в мятый коричневый костюм. На костюме проступили капельки крови. Саксофонист завизжал. Звук был похож на тот, что выдавливался из несчастного саксофона. Затем все пропало: и незадачливый музыкант, и футляр с инструментом, и волосатая лапа.

Сумерки были полны света фонарей, люди шли к станции метро, и часть их оседала возле ларьков, чтобы глотнуть осени перед расставанием.

Старик-бомж по-прежнему сидел на парапете возле подземного перехода возле станции. Задрав рукав своего бесформенного пиджака, он чесал локоть. Затем вдруг расхохотался и быстрым движением пересел поближе к супругам.

Старик-бомж был здешний, поэтому супруги не стали ни возмущаться, ни отходить от него подальше. Скука ушла из глаз женщины. Мужчина снова уселся, разжал кулаки. Ему было досадно за то, что он так сорвался. Как-то несолидно все это получилось.

– И он еще говорит о монстрах! – сказал старик-бомж.

Мужчина уставился на него.

– Вы обо мне?

– Нет, я о монстрах! Вы видели монстра?

– На картинке, – сказал мужчина. – В чем дело?

– Я – монстр, – пояснил бомж. – По вашим меркам, во всяком случае.

И снова скромно почесал руку, после чего опустил рукав.

– Это вы его утащили? – удивилась женщина. И быстро добавила. – Ну, я почему-то так и решила!

– Да, моих рук дело, – сказал бомж. – Говорю вам, я – монстр. Собственно, я не стал бы вмешиваться. Отнюдь. Вы абсолютно в полном состоянии его были изгнать. Но…

– Вы не бомж, – сказал мужчина.

Старик поднял лохматые брови и задержал их в этом положении минут на пять. Собственно, все то время, пока шел разговор, брови его торчали в совершенно неестественном месте, почти под самыми волосами.

– У меня нет своего жилья, – возразил старик. – Нет уж, я бомж. Я вот и в газете читаю…

Он вытащил из кармана мятую газету. Это был «Коммерсантъ».

– Я – часть города, я должен знать, чем дышит город, – пояснил старик. – Я хорошо знаю, кто я такой.

– Вам дать денег? – спросила женщина. Она задала свой вопрос очень просто, поэтому старик ответил ей так же просто:

– У меня достаточно денег. Могу даже угостить вас пивом.

– Это излишне, – произнес мужчина.

Женщина замолчала.

Старик вернулся к первой теме:

– Я бы хотел, чтобы вы отнюдь не неправильно смотрели на проблему монстров. Истинные чудовища могут встречаться. Не следует недооценивать возможность подобной встречи. Ее выгоды и недостоинства. Я хорошо говорю по-русски?

– Для монстра – великолепно, – сказала женщина.

– Тата! – одернул ее муж.

Она поджала губы, метнула в него хитрый взгляд и тихонько засмеялась, отвернув лицо в сторону.

– Не все из нас так хорошо устроены, как я, – сказал старик. Он поднял руку и некоторое время возился со своими бровями, возвращая их на правильное место, ближе к глазам. – Кожа слушается плохо. Особенные мышцы. У меня не хорошо развиты. Требуется тренировка, тренировка! Я прочитал это слово в газете.

Он задумался.

– Здесь я вспоминаю дом, – сказал он наконец, после долгой паузы, и показал на станцию метро. – Дым родного очага. Что-то в такой родословной.

– В таком роде, – машинально поправила женщина. И спохватилась. – Извините!

– Ничего. Я должен практиковаться. Еще одно слово из газеты. Тренироваться и практиковаться.

Станция метро «Горьковская» похожа на перевернутую суповую тарелку. Суп из нее не вылился, а застыл, образуя полукольцо. Там горят огни: внутри станции кипит жизнь, люди покупают жетоны – только ради того, чтобы тотчас расстаться с ними и ступить в совершенно иной мир, где лестницы двигаются вниз, а лампы медленно плывут вверх. Везде тепло и ярко, деловито стучат механизмы, можно сесть и читать, или разговаривать, или купить у поздней торговки букет цветов и глупую книжку в яркой обложке. И поезд услужливо повезет тебя домой.

Старик-бомж показал на станцию рукой, немного более торжественно, чем она заслуживала, и повторил:

– Дым родного очага. Это здесь.

И замолчал, прикрыв глаза совершенно гладкими синеватыми веками.

Это случилось в самом начале шестидесятых, подумал старик. И проговорил, не поднимая век:

– Это случилось в начале ваших шестидесятых… Мы разбились.

Было очень тихо. Негромкая спокойная музыка вечера уже разливалась повсюду, она состояла из множества звуков, которые звучали в таинственном, почти невозможном согласии, – очень большой, непрерывно импровизирующий джазовый оркестр: упорядоченный хаос, производимый талантливыми хулиганами.

– В каком смысле – вы разбились? – уточнил мужчина, потому что старик на мгновение замолчал.

Бомж повернул к нему голову и открыл глаза. Светящиеся голубые плошки повисли в темном воздухе, но это не выглядело страшным. Затем огонек погас – веки снова упали.

– Наш челнок, – сказал старик. – Да, это называется челнок. Я смотрел фильм. В больших магазинах телевизоры стоят возле витрин, и там показывают фильмы. Челнок.

– Еще их называют шаттлы, – блеснула познаниями женщина.

Муж быстро сжал ее руку: он боялся, что старик, если его перебивать, не закончит свою историю. Но этого не случилось.

– Наш большой корабль находился на орбите. Для исследования был направлен челнок. Челнок. Два десятка научных. Так это называется?

– Научных? – переспросила женщина.

Муж догадался:

– Вы хотели сказать – ученых?

– О! Не вполне понятная разница, но хрен с ним – пусть будет «ученых», – обрадованно кивнул старик. – Нам было весьма любопытственно. Мы нетерпенственно ждали соприкосновения с вашей почвой. Земля чрезвычайно симпатичная, если смотреть из космоса. При ближнем рассмотрении – тоже. Весьма. Ее леса раскудрявились и летели к нам навстречу… А потом мы разбились.

Он нахмурился. Некоторое время собеседники явственно слышали только его сопение. Оно становилось все громче, в нем что-то хлюпало, и вообще звук казался обиженным. Затем он оборвался.

Старик заговорил снова:

– Пилот не справился, и мы разбились. Катастрофа произошла в Ленинградской области. Это было начало ваших шестидесятых. Я потом многое узнал о ваших шестидесятых. Я читаю газеты. Я нахожу книги.

– А как вы научились читать?

– Нужда, блин, заставит, – сказал старик. – Кстати, мне очень нравится блин. Я неоднократно покупаю блины в блинных. Дешево и сердито. Научиться читать было нетрудно. Найти книги – тоже. Газеты приклеивают к стенам – очень достохвально. Наш челнок валялся в болоте. Мы пребывали в полном отчаянии. Наше состояние приближалось к катастрофическому, ибо челнок был уничтожен при соприкосновении с почвой при помощи взрыва, и средства связи погибли ко всем хренам! Садить корабль не представлялось никаким возможным, вследствие его аномального размера. Да и как бы он отыскал нас в болотах Ленобласти? Спрашивается?

Он снова замолчал.

Пилот погиб. Погибло еще несколько членов экспедиции. Было очень больно. Конечно, все знали, что полеты на чужую планету сопряжены с немалым риском. Конечно, были готовы к потерям, к возможной смерти. Но – если уж говорить честно! – как можно быть готовым к такому? Разве что теоретически.

Они похоронили погибших. Пытались починить челнок. Потом начали подходить к концу запасы еды и возникла новая проблема: как не умереть на этой незнакомой планете, которая, по всей видимости, станет их новым пристанищем навсегда?

Они разошлись группами по пять человек. Челнок остался в болоте.

Спустя несколько лет его обнаружили работницы совхоза «Шушары». Доложили секретарю горкома партии.

Секретарем горкома КПСС был в те годы товарищ Прогудин – человек буйный, эксцентричный и непредсказуемый. Он был достаточно могуществен, поскольку возглавлял мощную партийную организацию в большом городе и крупной области. Москва далеко не всегда могла

дотянуться до него и призвать к порядку. Ленинградские секретари всегда были вольнодумцы и самодуры, это традиционное. Призрак имперского могущества не позволял им жить спокойно. На них давило могучее культурное наследие царской России. Призраки Гришки Распутина и Феликса Юсупова неоднократно посещали их спальню, и наутро там неизменно находили заляпанные кремом бумажки от пирожных-птифуров из Елисеевского магазина.

Узнав о том, что в шушарских болотах застряла самая настоящая летающая тарелка, секретарь горкома первым делом вступил в битву с секретарем обкома и отсудил у него добычу: Шушары, вроде как, еще входили в черту города и находились во власти товарища Прогудина, а не какого-то другого товарища. Затем следовало не допустить появления на объекте военных.

Наши военные сильно завидовали американским военным, которые держали в Ангаре-18 настоящую тарелку и даже сняли про это кино – «Ангар-18». Уж если бы к нашим в руки попала такая штука, не то что кино снять – вообще бы никто ничего не узнал.

А товарищ Прогудин желал заграбастать таинственный предмет и установить его в своем городе на всеобщее обозрение. Заодно и иностранных гостей пошокировать.

В Ленинграде уже начали строить метрополитен. И это была не обшарпанная подземка, как где-нибудь в Нью-Йорке, а настоящие подземные дворцы, почти как в Москве. «Горьковская» же располагалась на трассе, по которой обычно всех иностранных дипломатов возили из всяких там резиденций в Эрмитаж – показывать сокровища имперской России и таким образом давить на нервы.

Если они, проезжая по правительственной трассе, увидят настоящую летающую тарелку, то будут потрясены. И спросят – через переводчика, разумеется:

– Товарищ Прогудин, что это там, по правую руку?

– А, – скажет товарищ Прогудин, – это станция метро «Горьковская». При создании павильона, а также проектировании части подземных сооружений станции наши инженеры воспользовались летающей тарелкой. Дружественные инопланетяне доставили агрегат прямо к совхозу «Шушары». Там безопасная посадка – мягкое болото. А что, в Америке нет летающих тарелок? Даже странно как-то…

И тарелку доставили в Александровский парк и установили так, чтобы ее можно было видеть с правительственной трассы. И в 1963 году открыли станцию для пассажиров.

– У нас наука имеет другое развитие, нежели у вас, – сказал старик своим слушателям. Он помолчал еще немного, подбирая слова, и вдруг улыбнулся совершенно по-человечески, чуть беспомощно. – У меня сейчас больше чувств, чем выражений. Как бы это высказать? Вы для науки считаете цифры и думаете, думаете. Чертите. – Он нарисовал пальцем в воздухе несколько кривых геометрических фигур. – Мы – нет. Мы ждем озарения. И вот одного из нас настигло озарение. Он странствовал в области города Выборг. Он там рабочествовал. – Работал, – сказала женщина, опять машинально.

Старик энергично кивнул.

– Работал на укладке одной трубы. Там очень странные трубы. Их все время укладывают. Он укладывал ее, укладывал при помощи лопаты, других приборов, и вдруг является то самое озарение. И он понимает, как чинить челнок при помощи туземных материалов. Он обдумывает технологию. Он ее чувствует! Она пронизывает все его сосуды и вены, она входит в кровь, она бьется в голове и глазах, и глаза у него выпучиваются – вот так… – Старик мгновенно выкатил глаза, которые сделались в несколько раз больше, чем были секунду назад, и перестали помещаться в орбитах, а затем медленно втянул их обратно в череп. – Словом, это было истинное озарение, а не иллюзия его, поскольку истинное озарение всегда приводит к временному изменению физиологии. Вы не знали? – Он тихо засмеялся, заквохтал и затрясся всем телом. – Ну! Именно поэтому все озарения должны реализовываться. Иначе они остаются в физиологии озаренного, и он больше не делается прежним. У нас нет ленивых гениев, как у вас. Открытие прет наружу! Нагло, блин, прет!

Он бросает лопату, он бросает работу, он бежит по дороге, он едет по дороге, он возле болота… Но нашего челнока там нет, поскольку полгода назад его забрал товарищ Прогудин! Черт побери его со всеми его кишками! Он в отчаянии, он плачет. Он едет в Ленинград и бродит вокруг станции метро «Горьковская», но – поздно, поздно…

– Какая печальная история, – сказала женщина.

Мужчина обнял ее. Он был с нею согласен.

– Вон он, – добавил старик, кивнув на безумца с невидимой гитарой. – Он никогда далеко от нее не отходит.

Некоторое время все смотрели на гитариста. Он тяжело переводил дыхание – ждал, пока в киоске поставят новую композицию. Иногда специально для него заводили «металл», тогда он неистовствовал: подпрыгивал, тряс головой, бил ногами о землю. И все это – без единого звука. Никто никогда не слышал, чтобы он хотя бы вскрикнул или промычал. И никто не знал, где и как он живет. Он возникал из-под земли с наступлением вечера и приникал к киоску, жадно требуя музыки. Как будто от этого зависела его жизнь.

– Именно, – сказал старик, с кряхтеньем потягиваясь. Он подслушал последнюю мысль женщины. – Его жизнь зависит от этой музыки. Чем отвратительнее, тем лучше. Внутри него гремит какофония. Я предлагал ему вернуться к упорядочиванию труб. Это успокаивает. Трубы, тянущиеся под землей. Но он не может. Гармония сломлена. Озарение претворено в яд. Необратимый процесс.

– А кем были вы? – спросил мужчина. – Там, на корабле?

– Моя научная задача – изучение языков, – сказал старик. – Я исследую социальные связи. Между словами есть связь. Между людьми – тоже. Приблизительно одинаковая сложность. Кое-какие слова предсказуемы. Например, слово «молоко». Слово «водка». Слово «манная». Слово «паровоз». Слово «прогресс». Они всегда ведут себя одинаково. Их поступки можно стабильно предвидеть. Слово «камень». Слово «трава». В них есть надежность. Некоторые считают надежность скучной, но не я. Хотя иногда это утомляет. Слово «скамейка». Слово «кошка». Слово «жопа».

– Боже! – сказала женщина и засмеялась.

Старик посмотрел на нее удивленно:

– Я сказал что-то неправильное?

И, не дождавшись ответа, продолжил:

– Есть непредсказуемые слова и таковые же люди. Но интереснее всего связи между словами и людьми. Между нотами и словами. Связи, – тут его рука снова стала длинной, когти выпустились из ногтевых лунок и медленно царапнули густой ночной воздух, – они как нити тянутся через Вселенную. Я изучаю эти нити. Я наблюдаю за ними. У меня еще не было озарения. Это хорошо для меня.

Он встал и, обернувшись, пристально посмотрел на супругов.

– В свете ее огней иногда видны наши… Если вы присмотритесь с хорошим вниманием, вы начнете их распознавать. Между нашими – другие связи. Между нами и станцией. Но иначе и быть не может, ведь здесь пахнет дымом родного очага…

Он закряхтел и заковылял прочь, и скоро веселое пылание ночных огней станции метро «Горьковская» совершенно съело его.

Бежать среди внезапного тумана

Андрей Степанович Маюр объяснял свою странную фамилию тем, что у его предков были алеутские корни. И действительно, иной раз, кажется, проскальзывало в его наружности нечто совершенно алеутское. Но в обычное время он выглядел довольно заурядным, незаметным человеком: средних лет, среднего возраста, среднего сложения. Серенький.

«Наверное, тяжело быть таким – сереньким, – думала какая-нибудь романтично настроенная девушка, если встречала на своем пути Маюра. – Никто не оборачивается тебе вслед. Никто не вспоминает о тебе. Скользнув по касательной в чужой памяти, ты исчезаешь навсегда».

Для романтично настроенных девушек это казалось ужаснее всего.

Но Маюр не унывал. Он пользовался своей внешностью особым образом.

Дело в том, что Андрей Степанович был ювелиром. Его работа состояла в том, чтобы чинить старинные ювелирные изделия. И не просто чинить, а по-настоящему возвращать их к жизни. Его вызывали в дома и показывали золотые и серебряные обломки, купленные по случаю драгоценные камни – а после просили сделать с этим «что-нибудь».

Андрей Степанович обычно брал вещи в ладонь, снимал очки, сгибался и долго смотрел на несчастные обломки. Так долго, что они начинали согреваться. Затем поднимал глаза и спрашивал: «А фото не осталось?»

Иногда случалось чудо – вытаскивали портрет какой-нибудь прабабушки с той самой брошкой на груди или с тем самым кольцом, которое – если посмотреть в толстую лупу – кое-как заметно на пальце. Но чаще приходилось довольствоваться только более поздними портретами той самой прабабушки, которая, возможно, и была владелицей предмета.

Андрей Степанович снова снимал очки и наклонялся над изображением. Ему было важно понять некоторые потаенные особенности человека, некогда имевшего влияние на драгоценное украшение.

Затем Андрей Степанович вновь водружал стекла себе на нос и важно произносил:

– Я, пожалуй, займусь.

И преспокойно препровождал серебро, золото и драгоценные камни себе в карман. Он даже не заворачивал их в платок.

Маюр всегда возил их с собой. Он боялся, что могут обокрасть его квартиру. Соседи знали о его работе. А вот заподозрить такого незаметного, бедненько одетого человечка в том, что он держит при себе дорогие вещи, не мог бы ни один карманник. У Маюра за всю его жизнь не вытащили даже десяти рублей.

Новый заказ ему понравился. Он получил это задание позавчера. Квартира, где обломки старинной броши перекочевали в маюровские руки, была совершенно новой – в новом доме, после нового евроремонта, с крашеными шероховатыми стенами и продуманно развешанными в гостиной и прихожей картинами – интеллектуальной мазней какого-то модного абстракциониста.

Хозяин квартиры был невысоким, хрупким, легким – таких Маюр определял для себя как «человек с режущим краем»: он умел держаться властно и при случае мог дать понять очень неприятные вещи. В частности, Маюр был подвергнут нескольким быстрым, прямым взглядам, в которых недвусмысленно прочел предостережение: лучше бы ему, Маюру, сделать работу хорошо – и ни в коем случае брошку не потерять!

Маюр криво пожал плечами. Он привык иметь дело с богатыми людьми. Они не страшили его и не вызывали у него зависти. У богатых свои заботы, и Маюр не был уверен в том, что поменялся бы с ними.

– Ладно, – сказал он. – Придется повозиться, но, думаю, сделаю правильно. А фотографии у вас не сохранилось?

– Нет, – сказал хрупкий богач.

Маюр вытянул губы трубочкой и немного пожевал ими. Он не любил, когда не оставалось никаких снимков. Ему постоянно требовались визуальные образы.

– Можно без брошки, – сказал он наконец. – Просто бабушку.

– Не сохранилось бабушки, – тем же тоном повторил заказчик. И снова пустил в Маюра ледяной взор. – Что-нибудь еще?

– Скажите хотя бы, ваша это была бабушка или…

– Возможно, – сказал богач.

Маюр снял очки и стремительно приблизил лицо к лицу заказчика.

Тот отшатнулся.

– Что вы делаете?

– Пытаюсь понять… – пробормотал Маюр. – Не мешайте. Тихо!

Вблизи глаза Маюра пугали: они были очень похожи на рыбьи. Круглые расширенные зрачки плавали в выпуклых глазных яблоках, каждый в своем направлении.

Клиент положил руки на плечи Андрея Степановича. Очень сильные, аккуратные руки. Отодвинул его от себя.

– Я вас убедительно прошу, – сказал он. – Возьмите вещь и уходите. Через месяц я ожидаю получить ее обратно восстановленную. Никаких контактов с вами во время вашей работы я не желаю. Вам ясно?

– Ясно, ясно… – бормотал Андрей Степанович чуть рассеянно. На него мало впечатления произвела эта тирада. – Ну что ж, – со вздохом облегчения выговорил он, отодвигаясь наконец от предмета своего созерцания и шаря вокруг в поисках очков, – конфигурация в общем и целом ясна. Понимаете, мне необходимо осознавать, каким было окружение вещи, какое влияние оказывала на вещь внешность носителя…

– При чем здесь я? – осведомился заказчик.

– Не вы, а ваша бабушка… Я пытался рассмотреть ее в ваших чертах.

– Удалось?

– Нет, – сказал Маюр. – Вы соврали. Вы это либо украли где-то, либо купили.

– Уходите, – сказал богач. – Я утомлен вами. Делайте с этой брошкой что угодно. Сделайте ее под свою бабушку, под чертову бабушку – мне это безразлично, лишь бы через месяц она была у меня годная к употреблению. Я хочу подарить ее женщине. Вам доступно такое желание?

– Какое? – удивился Маюр.

– Желание что-либо подарить женщине?

– Ну… – сказал Маюр. Он никогда об этом не задумывался. Если ему было что дарить и находилась подходящая женщина, то иногда случалось… но нечасто.

– Все. Разговор окончен. Убирайтесь.

Маюр пожал плечами и вышел, забыв попрощаться.

Он долго бродил по городу, пытаясь представить себе ту женщину, для которой предназначался подарок. Какой она может быть? Какая женщина полюбит «человека с режущим краем»? Может быть – тощая, плоская, с мертвыми бледными волосами? Нет, такие вышли из моды и куда-то исчезли с улиц… Теперь по улицам ходят кругленькие особы, весьма ухватистые и аппетитные на вид. Один у них недостаток – коротковатые ноги. Такое вот уродилось племя в нынешней генерации.

Стоп. Маюр, вы – болван, сказал себе ювелир. Разве такой человек, как этот клиент, станет искать себе подругу на улице?

А где он станет искать ее?

Маюр стал размышлять об этом, но скоро у него разболелась голова, и он решил оставить тему как совершенно бесперспективную.

«Сделаю брошку ради брошки», – подумал он. Иногда он становился эстетом чистой воды и начинал исповедовать принцип «искусство ради искусства». Это его забавляло. Хотя клиенты, конечно, ни о чем не догадывались.

Работа заняла у него всего неделю. Он быстро начертил красивый завиток, отдаленно похожий на райскую птицу с длинным хвостом. «Клюв» этой птицы должен был размещаться в начале женской груди, изящный изгиб предназначался для того, чтобы обхватывать соблазнительную выпуклость, а в самой таинственной области, возле соска, будет находиться «хвост» птицы, длинная вытянутая спираль с маленькой сапфировой звездочкой в центре. Сапфир был ценный, звездчатый, именно это обстоятельство и навело Маюра на подобную идею.

Вещь выглядела благородно и заставляла вспоминать о стиле модерн. О времени, когда по Петербургу расхаживали чахоточные террористки и восторженные поклонницы поэтов, а женская ножка, обутая в ботик и случайно завязшая в сугробе, рождала предельные эротические грезы, после которых молодые люди делались бледными и некоторые даже кончали с собой.

Маюр чуть улыбался углами рта, когда рассматривал результат своих стараний. Если уметь читать в линиях вещей – так, как иные умеют читать в линиях рук, – то в брошке таился вызов. Она умела, как всякая интеллигентка, быть абсолютно непристойной. Более непристойной, чем простодушный армейский фельдфебель. Все зависит от того, как носить ее: вдоль груди или поперек. Брошка – сигнал. Если женщина нацепит ее под горлом – о такой женщине лучше забыть: в постели она скучна, в быту невыносима, но хуже всего то, что у нее отсутствует чувство стиля. Почему-то Андрею Степановичу казалось, что его заказчик, «человек с режущим краем», отлично разбирается в подобных вещах и будет ему признателен.

Как всякий художник, Маюр любил лесть. Особенно – искреннюю.

Ясным осенним днем, сунув, по обыкновению, бесценную вещь просто в карман, Маюр вышел из дома. Александровский парк, возле которого он обитал, выглядел так, словно у него начинался бесконечный день рождения: воздушные шарики казались почти ослепительными рядом с синим небом, и замерзшие юные продавцы смеялись ярко и шумно. Дети в пестрых курточках скакали по аллее, курточки раздувало ветром, и оттого дети и сами были похожи на воздушные шарики. Степенно цокали пони с бантиками в гривах – они занимались важным делом, катали девочек и мальчиков. Угрюмая старуха, обмотанная пестрой ажурной шалью, трясла блестящими «раскидайками», мячиками на резиночках, и было слишком очевидно, что нарядные обертки «раскидаек» сделаны из карамельных фантиков. Сегодня старуха как никогда напоминала разбойничью атаманшу из «Снежной Королевы».

Маюр шел, чувствуя невероятную легкость. Он любил такие дни. Он даже остановился возле тележки, чтобы купить чебурек. Рядом с тележкой, возле дерева, уже стоял какой-то человек и ел, и при виде него Маюру еще больше захотелось чебурека.

Тот человек обладал очками, бородкой, тепленькой немаркой курточкой, из которой торчали тонкие ноги, упакованные в тоненькие брючки. Человек не просто кушал, он как-то удивительно глубокомысленно познавал продукт. Откусывал, задумывался, медленно жевал и поправлял очки, словно желал рассмотреть повнимательнее нечто у себя во внутренностях. Ибо там, во внутренностях, происходил глубоко неоднозначный процесс пищеварения.

Вид этого жующего мыслителя завораживал, и Маюр нарочно остановился так, чтобы видеть его. Андрей Степанович считал невежливым просто таращиться, поэтому поглядывал на интеллектуала украдкой.

Сам Маюр не умел поглощать продукты осмысленно и долго. Его чебурек закончился в считанные секунды, и Маюр вынужден был снова двинуться в путь – о чем, впрочем, он ни секунды не сожалел.

Но за эти секунды произошло нечто.

Неожиданно впереди мелькнула женщина. Нечто в ее походке показалось Маюру странным. Он даже не успел еще ничего понять, когда вдруг двинулся за нею.

Она была высокая, в очень короткой юбке. Сейчас такие не носят. Такие носили году в семьдесят втором. Красная прямая юбочка, почти ничего не прикрывающая. Удивительно стройные ноги в сапожках. (Сапожки сейчас тоже не носят, во всяком случае, не такие). Волосы забраны в высокий «конский хвост». Темные, не слишком густые. При каждом шаге «хвост» дерзко покачивается, точно маятник. Время уходит.

Она шла быстро, уверенно, слегка виляя бедрами. Ей идеально подошла бы брошка, неожиданно понял Маюр. И невольно ускорил шаги.

Женщина вдруг обернулась. Он не увидел ее лица, потому что в тот же миг перед ним мелькнуло нечто такое, что заставило его вздрогнуть: у нее на груди была та самая брошь, застегнутая самым вызывающим образом, наискось, с сапфировой звездочкой на чуть выпуклом соске, который явственно просвечивал сквозь ткань белой блузки.

Маюра даже не удивило, что он, со своей близорукостью, разглядел все это с расстояния в пятнадцать шагов.

Он метнулся вперед. Женщина повернулась и опять быстро пошла, почти побежала по аллее. Маюр не сразу осознал, что погода испортилась. Это случилось внезапно: откуда-то прилетел холодный туман, и ноги начали в нем путаться и заплетаться. Погасло густо-синее небо, воздушные шарики теперь лишь слабо светились в нем, точно напоминание. Туман скрыл старуху в вязаной шали, но почему-то Маюр по-прежнему отчетливо слышал, как шуршат в ее руках «раскидайки».

В тумане постукивали копыта, и несколько раз пони ржал вызывающе и зло, как настоящий конь-огонь.

Маюр бежал, натыкаясь на прохожих, на скамейки, на мусорные урны. На бегу он лихорадочно обшаривал карманы, каждый раз убеждаясь в том, что они пусты. Брошка пропала. Впервые в жизни у него что-то вытащили! Он не мог в это поверить. Откуда она узнала о том, что он прячет у себя бесценную вещь? Как ухитрилась извлечь так незаметно? И почему, в таком случае, она сразу приколола украденное на грудь? Для того, чтобы в случае задержания выдать брошку за свою собственность? Дескать – вот, разве стала бы я открыто носить похищенный предмет? Да эта брошка мне досталась от моей прабабушки.

Должно быть, так…

Маюр бежал и бежал. Время от времени туман немного редел и начинал колыхаться, как бы в нерешительности, и тогда перед глазами бегущего возникала прямая, стремительно удаляющаяся спина незнакомки. Затем все опять погружалось в сырую мглу.

Маюр миновал аллею, совершенно незаметно проплыла поглощенная туманом горка со швейцарскими часами, затем – десяток старых деревьев и еще одна детская площадка. Он приближался к зоопарку, о чем можно было догадаться по запаху зверинца. Здесь Маюр опять увидел незнакомку. Она стояла возле входа в зоопарк и разговаривала с каким-то человеком. Пару раз она быстро оборачивалась, как будто боялась, что за ней следят. Затем к собеседникам подошел еще один. Этот третий был толстым коротышкой. Он очень волновался, все время переступал с ноги на ногу и как бы колыхался в воздухе.

Обменявшись еще несколькими торопливыми фразами, трое незнакомцев развернулись и побежали вдоль ограды зоопарка в обратном направлении, опять по парку. Маюр, точно привязанный, двинулся следом. Он боялся выпустить женщину из глаз даже на мгновение.

Туман полетел ему в лицо, точно ком тягучей массы, и эта масса облепила Маюра, вызвала брезгливую дрожь в руках. Он яростно потер щеки ладонями. Неужели никогда не закончится эта сумасшедшая погоня?

Вдруг из густых облаков вынырнула фигура кушающего человека. Чебурек был познан им почти до самого финала, но все же оставалась еще поджаристая корочка, и предстояло

совершить последний акт осознания. Интеллектуал медлил, задумчиво созерцая утонувшую в тумане тележку чебуречницы и набираясь сил перед решающим броском.

Похитители вернулись к тому месту, откуда началась погоня. Странно. Для чего они сходились возле зоопарка? Вероятно, там у них было намечено место встречи, а где-нибудь возле станции метро их ждет машина… Или они попросту сядут в метро, подумал Маюр. Дерзкие воры! Он нашел в кармане жетон и дал себе слово во что бы то ни стало продолжить преследование.

Тем временем вся троица повернулась и снова пробежала мимо жующего. Тот удостоил их кратким взглядом. Должно быть, они отвлекали его. Маюр тоже проскакал мимо. Интеллектуал поглотил последний кус чебурека и, обтирая рот платком, с достоинством вздыхал. Он завершил весьма важный труд. Маюр позавидовал ему.

Неожиданно перед Маюром вырос некий человек. Он был очень высок, налысо выбрит и обладал невероятно длинным хрящеватым носом. Нос надвинулся на Маюра из поднебесья, и туман расступался перед этим носом, точно сырные ломтики перед ножом.

– Ну? – сказал человек. – И долго мы будем так?

Маюр схватился за грудь и задышал. Он был робким человеком и к тому же устал от бесцельной беготни.

– Что? – пробормотал он.

– Ну? – повторил человек. – Ну, ты!..

– Я, это… – согласился Маюр.

– А! – Человек хмыкнул, подвигал носом и нырнул в туман.

Некоторое время Андрей Степанович переводил дыхание. Затем увидел, как вся компания бежит мимо него. Он припустил следом. Несколько раз они обогнули по кругу небольшую площадь, на которой находился планетарий.

Планетарий был одним из обломков «старого доброго времени». Там уже давно расплодились игровые автоматы, бары и прочая плесень, но все же сохранились и сам телескоп, и карта звездного неба, и даже большие фотографии пионеров-астрономов, наклеенные на доски.

Перед планетарием стоял рослый костлявый старик в твердых валенках и нейлоновой куртке и кричал в громкоговоритель:

– Кто желает посмотреть двойную звезду в созвездии Лебедя – вход сто рублей!

Когда случались какие-нибудь астрономические явления вроде визита кометы или хорошей видимости какой-нибудь планеты планетарий работал почти постоянно. Маюр, правда, подивился: какая может быть двойная звезда в такой туман? Но, должно быть, телескопу туманы нипочем…

Он немало удивился, когда вся тройка похитителей подбежала к старику и обступила его с криками:

– Мы, мы желаем! Где платить сто рублей?

– С каждого, – уточнил он величаво и показал на вход в планетарий.

Те помчались ко входу. Маюр устремился следом. Старик поднес к губам громкоговоритель и рявкнул:

– Двойная звезда в созвездии Лебедя! Вход сто рублей! С каждого!

Это прозвучало прямо над ухом у пробегающего Маюра, но тот даже не вздрогнул.

Народу в «звездном зале» планетария собралось немного: несколько влюбленных парочек, которые решили «приколоться и поглядеть», серьезный папа с серьезной дочкой лет семи (они все время перешептывались на какую-то научную тему), компания из громилы, толстяка и женщины в короткой юбке, а также пятеро немного растерянных приезжих, которые и сами не понимали, для чего сюда явились.

Затем потолок над головами раздвинулся, открылся сектор неба, и туда устремился телескоп. Старик в валенках протопал через зал и начал крутить ручку. Телескоп показал на невидимые звезды.

– Сейчас будем смотреть, – строго объявил старик и похлопал валенками. – Подходим по одному. Поднимаемся по лесенке. Прикладываем глаз вот сюда. И смотрим двойную звезду в созвездии Лебедя.

Папа взял за руку дочку и подвел ее к телескопу. Она храбро полезла наверх.

Маюр ошеломленно наблюдал за происходящим. Поведение похитителей с самого начала казалось ему каким-то нереальным. Для чего вся эта беготня в тумане? (И откуда взялся туман?) Почему они сперва оказались возле зоопарка, затем снова возле чебуречницы, а после носились по кругу по площади?

Пальцем он нарисовал их путь у себя на ладони – и неожиданно понял. В своем сумасшедшем бегстве они повторяли очертания брошки. Как будто брошка служила им планом, схемой некоего лабиринта. И теперь они находятся в самом ее центре. Том самом центре, который был обозначен голубой звездочкой.

– Более бледная звезда в созвездии Лебедя – желтая. Вторая, которую лучше видно, – голубая. Она холодная, – важно объяснял старик.

Девочка смотрела в телескоп, покусывая нижнюю губу. Видно было, что она впитывает впечатления.

– Ну, впилась! Дай и другим посмотреть! Хватит уж!.. – крикнула тетка из числа приезжих. Ей вдруг стало завидно.

Девочка никак не отреагировала.

Старик произнес еще строже:

– Каждый увидит.

Когда девочка спускалась с лесенки, лицо у нее было ужасно задумчивое.

Тетка вскочила, чтобы быть непременно следующей, но ее опередили. Вильнув крепкими бедрами, женщина с брошкой подошла к телескопу. В звездном зале стало темно, как будто туман ухитрился проникнуть и туда. Затем сквозь отверстие в потолке блеснула синяя молния.

– Что-то с электричеством, – невозмутимым тоном объявил старик. И потопал в своих валенках разбираться – что именно.

Свет загорелся, и почти сразу же разошелся туман. Старик явился, всунулся в звездный зал, поморгал и сказал:

– Нет, электричества не надо. Пойду выключу.

И снова вышел.

Маюр медленно протирал снятые очки двумя пальцами. Водрузил их на нос. Ему было грустно, и он сам не понимал – почему.

Неожиданно его пронзила дрожь: женщина и ее спутники исчезли. Все трое. Их больше не было в звездном зале.

Маюр вскочил, чтобы снова бежать, но тут он заметил на полу, возле телескопа, нечто блестящее. Он поскорее бросился к лестнице и еще успел услышать возмущенный вопль тетки:

– И этот без очереди лезет! Интеллигенты!

Брошка лежала возле лестницы, совершенно холодная, с горящей голубой звездочкой. Маюр схватил ее и выскочил из зала. В коридоре он столкнулся со стариком, который погасил электричество и направлялся обратно к телескопу.

– Не будете смотреть? – осведомился старик.

– Я уже… увидел, – сказал Маюр, задыхаясь.

– Дело хозяйское, – сказал старик. – Чтоб потом без претензий.

И удалился.

Маюр сжимал брошку в кулаке, а кулак держал в кармане. Он вышел из планетария и снова увидел праздничный осенний день. Что-то от первомайской демонстрации было на аллее Александровского парка. Много красного и синего, много музыки и ожидания. Такие дни случаются иногда в начале осени.

Возле горки со швейцарскими часами стояла машина. Большая черная иномарка. Маюру такие не нравятся. Машина дважды моргнула фарами, затем ее матовое окно беззвучно уплыло, и появился заказчик. Он молча смотрел на Маюра, и тот приблизился к автомобилю.

– Готово? – осведомился заказчик.

– Да, – сказал Маюр.

Твердый сверток очутился у Андрея Степановича в ладони.

– Гонорар, – пояснил заказчик.

Андрей Степанович чуть покраснел. В пылу погони за брошкой он совершенно забыл о деньгах. Ему почему-то казалось, что важно вернуть саму вещь, а не выручить за нее сумму.

– Вы знали этих людей? – спросил Маюр у своего клиента.

Тот взял брошку и некоторое время рассматривал ее. Затем вздохнул.

– Да, – промолвил он, – это совершенно. – И поднял на ювелира глаза. На сей раз они не казались неприятными. Усталые серые глаза человека, который время от времени сталкивается с трудными, практически неразрешимыми задачами. – Конечно, я знал их. Они просили моей помощи, и я обратился к вам как к единственному человеку, способному выполнить подобное поручение.

Маюр неожиданно почувствовал себя польщенным.

– Да? – пробормотал он. – И кто вам такое обо мне сказал?

– Слухи, – заказчик махнул рукой.

– Кто они, те люди?

– Собственно, они не люди… Они хотели вернуться. Им требовалась схема. План. Понимаете, они не могли вернуться просто так. Необходимо было наитие, поиск, нахождение. Но важнее всего – схема. Вы следите за мыслью?

Человек в машине разволновался, полез в карман, сделал попытку закурить, но сломал сигарету и раскрошил ее в пальцах.

– Я слежу, но не совсем понимаю, – сказал Маюр.

– Им требовалась схема. Что тут непонятного? – нетерпеливо сказал заказчик.

– Схема. Это понятно, – кивнул Маюр.

– Они признают только драгоценные металлы. Нарисованное на бумаге или на земле для них ничего не значит. Линия должна быть материальна. Иначе они попросту ее не увидят. Понимаете? Они должны иметь возможность потрогать линию, прикоснуться к ней, ощутить ее объем, ее реальность.

– Ясно, ясно… – поддакнул Маюр. Ему действительно кое-что было ясно. Если рассматривать ситуацию в расчлененном виде. Каждый ее элемент был понятен. Но в единое целое картина все равно не складывалась.

– Путь домой, – продолжал человек в машине. – Схема для возвращения. Вы интуитивно сотворили именно то, что требовалось. Кое о чем, полагаю, вы догадались, когда смотрели мне в глаза. Мне это не понравилось, но сейчас я готов признать вашу правоту.

– Я создал не брошку, а схему для их возвращения домой, да? – уточнил Маюр.

– Я только что это сказал, не так ли? – Заказчик чуть удивленно поднял брови.

– Да, да, именно… – Маюр закивал. Он боялся рассердить клиента. Ему ужасно хотелось знать больше обо всей этой истории.

– Для того, чтобы произвести «нуль-транспортацию» – или как там это называется, – человек брезгливо поморщился, поскольку термин, заимствованный из фантастических сериалов, вызывал у него оскомину, – словом, для мгновенного перемещения сквозь простран-

ство-время им было необходимо видеть цель своего пути. Физически видеть. Если угодно, визуально наблюдать. Это понятно?

– Цель. То есть двойную звезду в созвездии Лебедя?

– Ну, я не знаю, не знаю, не знаю я, какая там звезда и в каком созвездии, – сказал человек в машине. – Они называли ее Алигьяга.

– Совершенно алеутское слово! – восхитился Маюр.

– Вот и превосходно, что алеутское. Ваша схема безошибочно привела их к планетарию, а в планетарии они сумели наконец обрести желаемую цель – и таким образом произвели транспортацию. Ничего сложного, как видите, – заключил клиент.

Маюр медленно покачал головой.

– Разумеется, это несложно… Но если им с самого начала требовалось попасть в планетарий, – для чего же было прибегать к такому многоступенчатому плану?

– А как, по-вашему, они должны были поступить? – осведомился заказчик Маюра. Вид у него сделался откровенно недоумевающий. Судя по всему, Маюр все-таки сумел сбить его с толку.

– Возможно, – сказал Маюр, – было бы достаточно просто спросить.

Он махнул рукой в знак прощания и неторопливо зашагал прочь по аллейке. Человек в машине еще долго с удивлением смотрел ему вслед.

Призраки Народного дома

– Между прочим, ты напрасно не веришь, – сказал студент Филькин Андрюше Кошакову.

– Как можно верить человеку с фамилией «Филькин»? – вопросил свидетель их разговора Гора Лобанов.

Лобанов был холеный мальчик из состоятельной питерской семьи. Филькин тоже был питерский, но при этом неуловимо напоминал драную кошку. Это была, впрочем, типично питерская кошка – знающая себе цену и обладающая определенным снобизмом.

А вот Андрюша Кошаков приехал из Рязани. Он не был ни более простодушным, ни менее образованным, чем его сотоварищи; но внутренний ритм, диктующий ему поведение, был каким-то иным. Особенно если сравнивать с Филькиным. Тот вообще отличался беспокойным нравом.

Кошаков снимал комнату неподалеку от Александровского парка, а учились все трое в театральном институте. Будущая жизнь представлялась им различно: Гора Лобанов видел себя киноактером, играющим в сериалах, Филькин – продюсером, а Кошаков мечтал стать театральным режиссером, но тщательно скрывал свои намерения от приятелей.

Иногда у Кошакова устраивались посиделки до утра. Он не возражал. Ему нравилось иметь собственную комнату и выходить по утрам прямо в Александровский парк.

– А знаешь ли ты, Кошаков, – важно вещал как-то раз, на рассвете, Филькин, – что на том месте, где сегодня находится станция метро «Горьковская»…

Он сделал паузу, чтобы вытащить из кармана новую банку пива.

Была ранняя осень и тот мертвый, ледяной час перед рассветом, когда гуляки уже разошлись, а трудолюбивые граждане досматривают предпоследний сон. С Невы ветер донес тихий, горловой гудок парохода: мосты скоро сведут. А может, гудит кто-то опоздавший.

Филькин с Лобановым время от времени блистали перед рязанцем познаниями в краеведении. Не следует думать, будто эти превосходные молодые люди, подобно питерцам более старого поколения, на самом деле живо интересовались великим городом, куда поместила их судьба, его архитектурой и былыми обитателями загадочных его домов. Отнюдь. Но в школе их подвергали краеведению насильно, особенно Филькина. Пожилая преподавательница, Матрона Филипповна, заставляла детей изучать книгу «Знаешь ли ты свой город?». Эту книгу написал один слепой профессор. Создание этой книги было подвигом. Поэтому Матрона Филипповна особенно настаивала на ее изучении. Филькин ненавидел «Знаешь…» и нарисовал там рекордное количество усов. Матрона искренне огорчалась тем, что ученики мало интересуются ее предметом.

– Как же так? – сокрушалась она, глядя в веселые, равнодушные глаза очередного обормота. – Вам так повезло! Вы живете в самом красивом городе Европы! Неужели вам совершенно не хочется знать его историю?

Глаза моргали, но не утрачивали ни веселья, ни равнодушия. Это были глаза человека, который точно знал, где находится кинотеатр «Мираж-Синема», почем там билеты, поп-корн и кола. Обладал он и другими бесценными познаниями касательно важных городских достопримечательностей: компьютерных клубов, к примеру. Или тех ларьков, где шестнадцатилетнему и даже пятнадцатилетнему могут продать сигареты.

Но Матрона была упорна, и кое-какие семена все же удалось ей посадить в жестких, плохо поддающихся унавоживанию подростковых головах.

– Ты, Филькин, совершенно ошибочно полагаешь, что мой предмет – абсолютно бесполезный, – проницательно говорила она. – Лишних знаний не бывает. Никогда не знаешь, когда они могут потребоваться.

– Ну Матрона Филипповна… – тянул Филькин, кося в сторону журнала: ставит уже двойку или еще повременит. – Ну Матро-она… Филипповна… Ну где мне могут пригодиться эти знания?

– К примеру, будешь гулять с девушкой, и она спросит: «Хорошо бы знать, кто когда-то жил в том красивом доме…» – наивно начала Матрона. Голос ее утонул в дружном хохоте класса.

Матрона Филипповна обиженно покраснела и поставила Филькину «два».

И вот – как в воду глядела старая кочерыжка! – знания пригодились.

– Ну так вот, Андрюша, на месте станции метро «Горьковская» при кровавом царизме был общественный сортир, – проговорил Филькин.

Кошаков моргнул, чем доставил Филькину удовольствие.

– А я не знал, – признался Гора Лобанов.

– Мало того. Этот сортир был памятником неразделенной любви.

Лобанов тихо прыснул.

– Я делал про это доклад, – пояснил Филькин. – Когда мне Матрона влепила вторую единицу, на педсовете встал вопрос… и так далее. Директриса мне говорит: что тебе стоит, сделай тематический доклад, а то тебя – из школы… Я нашел подшивку газеты «Ленинградский рабочий», там много было заметок по краеведению. Ленинградские рабочие раньше любили краеведение. Оно давало им ощущение причастности к жизни графьев и прочих царедворцев.

– Докладчик, пожалуйста, – поближе к сортиру, – напомнил Лобанов.

– В общем, тут был один купец, который посватался к одной графине. Она здесь жила, – Филькин махнул рукой, показывая на один из близлежащих домов. – Вон, где плоская сова на фасаде.

– А я думал, в этом доме жил Гарри Поттер, – очень серьезно произнес Андрюша Кошаков. – Ну, уже потом, конечно. Когда он уже стал профессором.

– Он еще не стал профессором, – сказал Филькин. – Он еще Хогвартс не окончил.

– А я думал, уже окончил, – еще серьезнее сказал Кошаков. – До нашей Рязани книги доходят с большим опозданием.

Филькин внимательно осмотрел лицо Кошакова, но оно хранило непроницаемое выражение.

– Возвращаюсь к историческому сортиру, – провозгласил Филькин. Как будущий продюсер, он не должен поддаваться на провокации со стороны актеров и режиссеров. – В общем, купчик принес графине руку, сердце и сто миллионов, но она его отвергла. Дескать, сперва сделайся графом, а там посмотрим. Он обиделся. И на свои отвергнутые миллионы отгрохал под ее окнами общественный сортир. Причем по архитектуре этот сортир повторял в миниатюре загородную дачу мадемуазель графини. Нарочно, подлец, скатался к ней на дачу и на бумажку зарисовал – как сие выглядело.

– И что графиня? – спросил Кошаков с интересом.

Филькин безнадежно махнул рукой.

– Вынуждена была съехать из дома. Да там потом все равно революция началась, так что не очень-то и жалко.

– Революция смела с лица земли сортир в форме графской дачи, – задумчиво подытожил Гора Лобанов. – И воздвигла на его месте станцию метро в форме летающей тарелки.

– А я всегда думал, что она похожа на гриб, – сказал Филькин.

Некоторое время они играли в «ассоциации» – на что похожа станция метро «Горьковская», но из-за пьяного состояния и усталости много не придумали.

День уже посылал явственные предупреждения о своем скорейшем появлении. Поспать пару часов отправлялись обратно к Кошакову. По пути к квартире Филькин говорил не останавливаясь:

– Между прочим, то, что мы считаем Мюзик-холлом, на самом деле – Народный дом. Его построил для рабочих царь Николай Кровавый. Газета «Ленинградский рабочий» сильно издевалась над инициативой царя. Он хотел отвлечь рабочих от революционного движения. С помощью искусства. Какое коварство! Если рабочие будут ходить в театр и за небольшие деньги слушать всякую там «Хованщину» в исполнении Шаляпина и прочих монстров, то им некогда будет строить баррикады и качать права!

– Недаром в народе его называли Кровавым, – сказал Гора Лобанов и почувствовал себя полным дураком: шутка прозвучала более плоско, чем ему представлялось поначалу.

К счастью, на это ни Кошаков, ни Филькин внимания не обратили.

Филькин вдохновенно вещал:

– Там огромный зал. Скачут красотки с ножками в шелковых колготках, а руководит ими маленький свирепый гном. Но это когда есть представления Мюзик-холла. А по ночам… если прийти сюда в новолуние… и сказать волшебные слова…

– Рекс-фекс-пекс? – снова перебил Лобанов.

Филькин глянул на него чуть презрительно:

– Нет, другие.

Он встал прямо, развернулся лицом к своим собеседникам. Волосы торчали на голове Филькина дыбом, нос раскраснелся, глаза сделались маленькими и неутомимо слезились. Сероватый утренний свет размазывал его черты, делал их неясными. Справа от Филькина угрожающей громадой высился бывший Народный дом с огромным куполом и множеством входов: ступени как у зиккурата, провал – точно беззубый рот – дверь в Планетарий, помпезные, суставчатые колонны театра «Балтийский дом» с мятой афишей заумного спектакля какого-то заезжего коллектива, небольшая дверца сбоку – лаз на выставку восковых фигур, точно черный ход в магазин, откуда «блатному» покупателю вот-вот вынесут какой-нибудь дефицитный товар.

Рядом с Филькиным пригнулся искусственный динозавр. Он служит безмолвным зазывалой на выставку «движущихся восковых фигур». У него усталый вид.

Низкий, громкий голос, исходящий прямо из глубин тощего филькинского живота, где алхимически булькало очень много разных напитков, прозвучал, разливаясь по пустому, зловещему пространству:

– Именем Утренней Звезды Люцифера заклинаю тебя, Федор Иванович Шаляпин: явись, явись, явись!

Затем Филькин вдруг зевнул, и страшное обаяние развеялось. Тщетно сражаясь с зевотой, он добавил:

– Приблизительно так… И тогда в пустом зале театра Народного дома появится призрак Шаляпина. Он будет в шубе. И запоет. «Сатана там правит бал»… Ужасным басом.

– Идемте спать, – попросил Гора Лобанов.

И они ушли, все трое, и Народный дом остался посреди полного безлюдья. Титаническое здание, источенное ходами, набитое театральными залами, с брякающими игровыми автоматами на первом этаже Планетария – точно с паразитами в шерсти на брюхе гигантского зверя. Как и положено старинному зданию, он был туго набит призраками. И выставки движущихся восковых фигур, рассованные по извилистым его коридорам, еще больше усиливали неприятную магическую атмосферу.

Дня через два Лобанов неожиданно вспомнил этот разговор.

– Ты серьезно говорил? – спросил он у Филькина.

– О чем?

– О призраке Шаляпина…

Филькин задумался.

– Не помню. Напомни. О чем я говорил?

– Ну, если сказать «рекс-фекс-пекс», то в новолуние в Народном доме явится призрак Федора Ивановича. И будет петь «Сатана там правит бал».

– Я такое говорил? – искренне поразился Филькин.

Он недоверчиво осмотрел Лобанова с ног до головы, но Лобанов оставался безупречным.

– Да, Филечка, именно это ты и говорил.

Филькин почесался. Поковырял пальцем в углу глаза. Пролистал зачем-то тощую тетрадь, которую держал в руке. Смял ее и сунул в сумку.

– Ну, возможно, – нехотя согласился он наконец. – Только ничего не помню.

– Я тебе рассказал. – Лобанов сел рядом. – Давай разыграем Кошакова.

– Слушай, Лобанов, скажи: тебя Кошаков раздражает? – спросил Филькин неожиданно.

Лобанов, подумав, кивнул.

– Чем? – жадно насел Филькин.

– Какой-то он… внутренне благополучный, – признался Лобанов. – Как будто все у него спокойно. Было спокойно и будет.

– И он не хочет покорять Петербург.

– И вообще – не впечатлен. Ну, Рязань. Ну, Питер. Ну, какая разница.

Филькин говорил, как ревнивец, возмущенный тем, что кто-то не посягает на объект его ревности.

– В общем, я предлагаю вот что, – сказал Лобанов. – Уговорим его пойти с нами ночью в Народный дом. Будем вызывать призрак. Нужно побольше шумов и спецэффектов. Лазерные фонарики, падающие колосники.

– Кажется, его охраняют с собаками, – сказал Филькин озабоченно.

– Нет, с собаками только кафе там поблизости охраняют, я проверял, – возразил Лобанов.

Филькин посмотрел на него с восхищением.

– Вижу, ваши намерения серьезны!

– Более чем. – У Лобанова блестели глаза. – Там есть возможность пройти. Через боковой ход. Где когда-то был магазин-салон «Коринна».

– Не помню.

– В начале перестройки. Там продавали театральные костюмы. Можно было тысяч за шестьсот купить платье с кринолином. Моя мама до сих пор грызет локти, что не купила.

– Ей-то зачем? – поразился Филькин.

– Женщины, – многозначительно произнес Лобанов.

– Ну ладно, – сказал Филькин. – Значит, через бывшую «Коринну» проникаем…

Они обсуждали «спецэффекты» еще с полчаса, а затем отправились уговаривать Кошакова.

Андрюша Кошаков, как оказалось, был совершенно не против подобной авантюры.

– Я после того нашего разговора много думал, – сказал он честно. – И общественный сортир в форме графской дачи. И дом Гарри Поттера. И динозавр, который чуть Филькина не слопал. А ты, Филькин, не заметил? Он к тебе наклонялся, а потом, когда видел, что я гляжу, снова отворачивал морду. – Андрюша Кошаков глубоко вздохнул. – До чего все-таки хорошо жить в Санкт-Петербурге! И особенно – возле Александровского парка!

– Значит, пойдешь? – спросил Филькин.

– А как же! Пропустить выступление Шаляпина? Да ни за что!

– Это будет призрак, – предупредил Гора Лобанов с очень серьезным видом.

– Ну и что с того, что призрак… Все равно, Шаляпин – это сила.

«Ненавижу Кошакова, – подумал Филькин, – ничем его не собьешь. Ни колется и все тут».

Договорились встретиться в три часа ночи, когда все спектакли и развратные заведения наконец прекратят свою деятельность.

– Раньше все начиналось в полночь, – пояснял Филькин, – и нечистая сила просыпалась аккурат к этому времени. Но жизнь неуклонно развивается. Жизнь становится лучше и лучше. Прогресс повсюду сует свои волосатые лапы и переиначивает бытие на собственный лад. Из-за электрического света активность людей сместилась, и теперь по-настоящему темное время суток начинается после трех. Нечистая сила вынуждена была подстраиваться. Иначе ее попросту никто не заметит. Тут половина вип-посетителей такая, что никакого дьявола не надо.

И снова их встречала безмолвная ночь с ее бледными небесами и темным каменным строением, внутри которого сложно, почти мучительно, были стиснуты самые разные воспоминания и предметы. Сейчас делалось особенно очевидно, что некоторые из них страдают от навязанного им соседства. Ощущение беспорядочности, едва сдерживаемого хаоса заполняло пространство, и звезды тщетно ломились в закрытый купол планетария – им не пробить было не то что металлическую крышу, но даже и толстый слой розовых, рыхлых, немного больных облаков. Черная глыба, лежащая на земле чуть в стороне от Народного дома, напоминала надгробие, хотя на самом деле это был камень-памятник, и надпись на нем обещала: когда-нибудь на этом самом месте будет сооружен памятник Федору Ивановичу Шаляпину.

– Такое впечатление, будто этот памятник уже умер и похоронен под закладным камнем, – сказал Кошаков. Он наклонился и поднял увядший букет, оставленный здесь каким-то поклонником Шаляпина.

– Мы забыли купить цветы! – вскрикнул Гора Лобанов.

– Зачем?

– Ну как же! Если Шаляпин будет выступать, нужны цветы!

Кошаков покосился на него. То и дело он начинал по-настоящему верить в призрака, но затем обаяние рассеивалось.

– Зачем призраку настоящие цветы?

– Цветы сами по себе являются призраком, – убежденно произнес Гора Лобанов. – Их жизнь коротка, эфемерна, они не обладают абсолютной ценностью – как, например, бриллианты. Они являются лишь знаком, указанием на высокую стоимость. Фактически цветы – это привидения бриллиантов.

– Убедил, – сказал Кошаков и сорвал с клумбы несколько анютиных глазок.

Они обогнули спящий Народный дом и приблизились к заколоченной двери, на которой действительно еще сохранялась сильно выцветшая вывеска: «Салон КОРИННА». Филькин вытащил большую отвертку, просунул ее между дверью и косяком, и дверь легко раскрошилась и отошла. Посыпалась облупленная краска.

Впереди лежало темное помещение. Там было так черно, что создавалось впечатление, словно и дышать там будет нечем. Невозмутимо щелкнула зажигалка, запрыгал огонечек свечки. И трое друзей полезли в темноту.

Под ногами сперва хрустело – свеча нехотя показала строительный мусор, ломаные рейки, битый кирпич. Затем появилась более или менее чисто выметенная лестница, и по ней они проникли внутрь помещения. Вдоль длинного коридора тянулись двери, все они были заперты. Паркет, не покрытый даже старой ковровой дорожкой, адски скрипел при каждом шаге, однако сторожа находились где-то далеко и не слышали этих звуков. Друзья прошли по всему коридору и совершенно неожиданно для себя оказались в кулисах.

Здесь все представлялось относительно знакомым. Попутно выяснилось, что оба заговорщика не подготовили спецэффекты: каждый понадеялся на приятеля. Вообще вся операция была спланирована из рук вон плохо. Но сам пустой театр представлял собой достаточно зловещий спецэффект, так что допустимо на время расслабиться. Потом, если напряжение покажется недостаточным, можно будет прибегнуть к паре-тройке утробных стонов. Только нужно не расхохотаться.

– Ну, – тихо спросил Кошаков, – что дальше?

– Сейчас появится призрак… – сказал Филькин. – Вон он, в кулисе… Лобанов, ты его видишь?

– Вижу, – сказал Лобанов, хмурясь.

Сквозняк неизвестного происхождения действительно чуть шевелил какую-то ткань в кулисе напротив, но все прочее оставалось тихим и неподвижным.

– Волшебные слова, – напомнил Кошаков.

Лобанов напрягся и протяжно заговорил, сам пугаясь звуков собственного голоса:

– Во имя утренней звезды – Федор Иванович Шаляпин – явись, явись, явись!

«Теперь точно сторожа прибегут», – подумал он и съежился, прикидывая, где лучше спрятаться. Эхо разлетелось по залу и пропало где-то далеко на балконе.

Затем рядом послышалось покашливание. Приятели замерли. Каждый думал, что ему почудилось, и не хотел признаваться в этом. Но покашливанье повторилось, и гулкий голос недовольно крикнул, обращаясь к кому-то невидимому:

– Ну Степан! Свет! В самом деле…

Тяжелый топот разнесся по залу, пропрыгал огонек – этот огонек почему-то показался страшнее всего, как будто в нем заключалась самая жуткая волшебная сила, – и по сцене почти сразу разбежался свет.

– Черт знает что такое, – ворчал кто-то рослый, лохматый. – Вечно свечей жалеют. Что у нас сегодня?

Лохматый повернулся, и Филькин с ужасом увидел человека в наброшенной на плечи шубе. Шуба была гигантской, как и все в Народном доме, шерсть на ней стояла дыбом, и если задачей шубы было устрашать возможного неприятеля – то с этой задачей она справлялась просто замечательно: Филькин и остальные испытывали ни с чем не сравнимый ужас.

Лицо у человека в шубе было большим, мясистым, с гневно раздутыми ноздрями и широкими губами любителя покушать. Ручищами, достойными портового грузчика, но очень элегантными, холеными, он взлохматил и тотчас пригладил на голове волосы. Затем взял маленькую шапочку с рожками и приладил на макушку. Снял, скомкал ее – недовольный. Снова крикнул, обращаясь к кому-то, топтавшемуся внизу, под сценой:

– Ну Степан! Степан же!

Топот пробежал в обратном направлении и затих.

Человек на сцене начал распеваться.

Он начинал негромко, а затем вдруг голос расширился, разлился и затопил весь зал.

Этот голос был больше всего, что когда-либо встречали на своем веку Филькин, Лобанов и Кошаков. Ничего более грандиозного, всеобъемлющего на свете не существовало. Они захлебывались в этом звуке, шли ко дну. Когда на мгновение он иссяк, они с трудом перевели дыхание.

Человек на сцене поправил шубу и начал романс. «Чайковский», – узнал Кошаков. Его мама иногда довольно музыкально мурлыкала этот романс, когда мыла посуду. Но то, что у мамы выходило миленько, у лохматого гиганта звучало грозно, неотвратимо, точно извержение вулкана.

Музыка – повсюду, от нее не было спасения, нигде во вселенной, и вскоре сделалось ясно, что никакого спасения и не требуется: хотелось вечно тонуть и никогда не достигать дна. Блаженство умирания, обещанное ею, выглядело достижимым и близким.

Одна тема мощнее другой неостановимо сменяла одна другую. Холеный перс стонал в романсе Рубинштейна: «О, если б навеки так было…» – так тягуче, так сладостно, что делалась очевидной рахат-лукумовая слюна, от которой склеивалась крашеная его борода… а почти сразу вслед за тем ленивый русский парень припоминал день, и девку с косой, и «как ложились на песочек» на берегу необъятной русской реки, – и снова жизнь становилась бесконечной,

какой она и бывает в такой жаркий, не имеющий ни начала, ни конца день, на берегу медленно утекающей в никуда реки…

Изнемогая, друзья рабски тянулись вслед за каждой нотой. Музыка безжалостно волокла их через чужие воспоминания, музыка перехлестывала через край, наполняя неокрепшие молодые мехи их юных душ таким крепким, таким терпким и яростным вином, что грозила разорвать в клочья.

Наконец оборвав пение, гигантский человек в шубе хмыкнул и пророкотал удовлетворенно:

– Вполне приличный зал. Где Степан? Степан!

Степан где-то действительно сгинул и не отвечал. Человек на сцене опять запел.

– Ты его видишь? – прошептал, обращаясь к Андрюше Кошакову, Лобанов.

Он долго собирался с духом, чтобы заговорить. Он долго уговаривал себя, что никого не видит – просто перетрудился. Да и вообще – он человек впечатлительный. Мало спал, много фантазировал, да тут еще изнурительные занятия по сценодвижению и прочее. Сидишь в новолуние в Народном доме – мало ли что почудится.

– Ты его видишь?

– Кого? – уточнил у приятеля Кошаков.

– Шаляпина…

Кошаков сказал:

– Знаешь, я думал, мне это кажется.

Человек прекратил петь и широченными шагами пересек сцену. Теперь он нависал прямо над студентами.

– Это еще что такое? – загремел он.

Кошаков выпрямился и поклонился, подражая кому-то из героев исторического кинофильма.

– Андрей Кошаков, студент.

– Что вы тут делаете? – негодовал человек. Он то и дело оборачивался, размахивая шубой, точно темными крыльями падшего Демона, и тщетно взывал. – Степан!

– Поклонники вашего таланта, Федор Иванович! – отчеканил Кошаков и протянул ему сорванные с клумбы анютины глазки.

– Поклонники? Я вам что, балерина, что вы пробираетесь в кулисы по ночам? – грохотал Шаляпин. – Что это за метелка для стряхивания пыли? У горнишной украли?

– Ну что вы, Федор Иванович! Это – призрак бриллиантов. За неимением оных – преподносим цветы.

Шаляпин расхохотался.

– Ладно, оставайтесь пока… А после – съездимте в трактир, хорошо? Только вы за меня заплатите, а то у меня всего три рубля…

И стремительно вернулся к роялю.

Кошаков ошеломленно нюхал анютины глазки. Лобанов тер лоб и тщился отложить в сокровищнице своей души каждое из текущих неповторимых мгновений. Он хорошо отдавал себя отчет в том, что присутствует при потрясающем событии.

Что касается Филькина, то – как выяснилось ближе к утру, – он давно уже был без сознания.

Грезы любви

День Воздушно-Десантных войск всегда сопровождался наплывом в Александровский парк большого количества нетрезвых чужаков. Вообще-то обстановка здесь исключительно мирная, так что и драк почти не случается, но все равно чужаки нередко оказываются весьма неприятными людьми. Они занимают все скамейки, громко поют под караоке песни о Гибели, Смерти, Битве с Врагом, Одиночестве, Крови и Ответственности Командира. С ними приходят и девушки в голубых беретах, которыми наделяют их крепкие парни. Это очень сильные девушки. Краснолицые, с покрасневшими животами – обнаженными, согласно последней моде, – они служат своим крепким парням надежной опорой, хотя и сами порой нетвердо стоят на ногах.

Алексей Зеленцов решил отпраздновать этот день ВДВ в одиночестве. Он не присоединился ни к одной из компаний и почти не пил. У него имелись на то причины. Дело в том, что ровно год назад, тоже на день ВДВ, в Александровском парке погиб его товарищ, очень хороший человек, бывший десантник Сергей Половников.

Когда Сергей пропал, его исчезновение оставалось некоторое время незамеченным. Мало ли по какой причине взрослый человек мог покинуть общество и куда-либо отправиться. Ребята не стали его искать. Бывало уже. Бросали клич, метались по парку, а после обнаруживали пропавшего либо спящим на скамейке, либо в обществе строгой боевой подруги, которая при вторжении в ее «личную жизнь» впадала в бешенство.

– Может быть у человека личная жизнь? – кричала она, швыряясь в товарищей своего приятеля палками, пустыми банками и чем придется.

Нет уж. Если уединился Половников, стало быть, уединился. Теперь все были опытные и не такие пуганые, как раньше. Желающих изображать из себя Рэмбо не по делу больше нет.

На следующий день позвонила мать Половникова. У Зеленцова болела голова, он был в плохом настроении. Женщина в телефонной трубке говорила невнятно, и поначалу Зеленцов ничего не понимал и на всякий случай нагрубил, но когда она заплакала, вдруг испугался.

– А что Серега? – сказал он. От сильного чувства тревоги сладко зевнуть не получалось, челюсть свело. – Ну, он же большой. В самом деле!

– Не знаю… Он не с тобой?

И, не дождавшись ответа, женщина положила трубку.

Дела. Зеленцов обзвонил еще нескольких ребят, все оказались злые и никто не знал, где Половников. А еще через день его, утонувшего, нашли в заросшем ряской пруду в Александровском парке. Зеленцов и еще один ходили на опознание.

Дознаватель в некрасиво сидящей форменной куртке, с неприятной худенькой папочкой под мышкой, глядел на ребят иронически. Одна бровь у него подрагивала. Менты не любят десантников. Особенно во время и чуть позже дня ВДВ. На то есть причины.

– В желудке обнаружен алкоголь, – сказал дознаватель.

– Думаете, несчастный случай? – прищурился Зеленцов.

– А вы думаете иначе? – в упор спросил дознаватель.

– Вам бы только дело закрыть, – обвинил его Зеленцов и поиграл мышцами на правой руке. – Если человек был пьян, значит, утонул.

– А что, нет?

– Нет, – сказал Зеленцов. – Серега Половников не мог утонуть. Его убили.

Дознаватель сделал человеческое лицо и проникновенно проговорил:

– Ваш друг был пьян. Он утонул.

– В этом пруду даже лягушка не утонет! – заричал Зеленцов.

– Меня предупреждали о том, что десантники – люди нервные, – сказал дознаватель невозмутимо. – Не кричите. Здесь морг. Лягушка вообще нигде не утонет. Мать потерпевшего согласилась не возбуждать дела.

– Уговорили? Она ничего не соображает. У нее сын погиб!

Дознаватель пожал плечами.

– Уже не первый случай. Год назад – кстати, тоже в день ВДВ – в том же пруду утонул еще один десантник. Молодой парень. Кстати, не так уж много выпил, по показанию свидетелей. От судьбы не уйдешь. И три года назад, кажется… Я тогда еще не работал. Информация к размышлению. Поставьте подпись – здесь и здесь.

Подписав протокол опознания, Зеленцов вышел из морга на ясное солнышко и долго, с осуждением щурился в небеса.

Половников утонул. Конечно, Серега выпил. Но не мог такой опытный человек, как Серега, просто взять и утонуть в луже! И до него – еще двое или трое… И все – на день ВДВ.

Стоп. Зеленцов метнул сигарету в угол рта, ловко закурил, упругим шагом зашагал прочь от морга по улице. Мимо с ревом носились автомобили и прочие транспортные средства, их шум представлялся музыкой. Тяжелый металл. Усугубленный. И запах – соответственный. Пыль, гарь. Очень хорошо.

Конечно, они не станут разрабатывать версию маньяка. Очень им это нужно! Подумаешь – десантник напился на день ВДВ и полез купаться с летальным исходом… Но ведь преступления повторяются. Одно и то же место, одно и то же время. И жертвы похожи друг на друга. А это уже говорит о многом. Явный маньяк. Зеленцов замычал от боли и стукнул кулаком ни в чем не повинный бетонный столб.

Через год Зеленцов, как и задумал, явился в парк. Один. Трезвый. Он рассуждал так: потребность убивать заставит маньяка снова прийти сюда. Он уже неоднократно испытал здесь свой омерзительный восторг, когда жертва обмякла и начала пускать пузыри. Нездоровая психика потребует своего. И тут – новый клиент, готовенький: Алексей Зеленцов. Сидит в одиночку и, судя по его поведению, пьян в зюзю: можно давить, так сказать, голыми руками.

Бутылочку пива Зеленцов, конечно, приголубил, но не более того. И все компании отшил. Он ждал вечера. Ребята бродили по парку, некоторые – очень красные и трудно, надрывно, натужно злобные: давняя боль взрывалась в их головах и рвалась наружу, заливая едкими слезищами водянистые глаза. И девушки с такими ребятами шли взвинченные и поглядывали на прохожих так, словно искали среди них того единственного гада, который за все это дерьмо и отвечает.

Вечер сгущался. Все отчетливее пахло ряской с пруда, от скошенной травы на газоне несло сыростью. Этот маленький пруд появился в парке очень давно, еще до рождения Зеленцова. В шестидесятые он уже был, это точно. Просто небольшая лужа в самом начале парка.

У этого пруда всегда был исключительно непрезентабельный вид. Время от времени производили «реконструкцию», пытались чистить, выгребали целые моря дурно пахнущей тины, умершей ряски, несостоявшихся лилий. Все это вывозили на грузовиках, и в считаные дни пруд снова зарастал. Причина заключалась в том, что болотная сущность Петербурга никогда не позволяла забыть о себе окончательно, и пруд Александровского парка, по странному совпадению, был вырыт как раз над тем местом, где исконное, доисторическое болото стремилось выйти на поверхность. Понятно, что все попытки остановить эту необъятную стихию санитарными мерами – просто смехотворны.

Но ликвидировать пруд все же не стали. Так и продолжают качать оттуда грязь год за годом. А пруд стоит, закрытый ряской. Пестрая клумбочка на одном берегу и тонкие клены особой породы, с красными листьями, придают его облику минимальное благообразие.

От пруда отходит выложенная крупным ломаным булыжником канавка, а дальше, перед кафе «Грот», плюхает невразумительный фонтанчик. Фонтанчик пользуется слабенькой попу-

лярностью: посетители «Грота» бросают в него монетки, а дети посетителей купают в нем автомобильчики и многострадальных Барби, попутно промокая сами. Но этим и ограничивается. Истинные обитатели парка «Грот» почему-то не посещают, предпочитают газоны.

Зеленцов так долго сидел в неподвижности, что даже задремал. Пробудился он от шагов. По аллее парка очень твердой походкой шел десантник. Он был маленького роста, с невероятно широкими плечами и добродушным, простоватым лицом. Такое лицо, прикинул Зеленцов, в мгновение ока может стать зверским – и тогда держись: этот квадратный порвет голыми руками. Страшен он был.

Зеленцов напрягся, но внешне этого никак не показал.

Квадратный подошел, остановился, потоптался. Спросил закурить. Зеленцов протянул пачку. Квадратный сказал: «С праздником!», закурил и ушел.

Зеленцов тоже покурил и опять затаился.

Голоса людей плескали в отдалении, ближе к станции метро. Возле пруда разливалась тишина. И становилась она все более тихой, все более глобальной, что ли. Как будто затихал по повелению таинственной силы самый город, не то что птички и прочие дневные букашки. Машины, гудящие совсем недалеко, на Каменноостровском, – отдельно, а здешняя тишина – отдельно. Зеленцову казалось, что его поместили в стеклянный кокон.

Затем запах тины усилился. Зеленцов на всякий случай свесил голову на грудь – прикинулся совсем беззащитным, – и начал похрапывать. А сам поглядывал из-под ресниц и держал руку с ножом в кармане. Ну, только сунься, гад!

Кто-то тихо приближался. Зеленцов не мог его видеть, но всей кожей между лопатками чувствовал каждый новый шаг этого неизвестного. Сомнений в том, что надвигается маньяк, не оставалось. Зеленцов совершенно не испытывал страха. Теперь он был сосредоточен, как машинистка, перепечатывающая директиву своего босса.

Шаги звучали так, словно человек двигался без обуви. Они скользили и слегка пришлепывали. Странный запах. Почему от него пахнет тиной? Или просто ветер подул со стороны пруда? К запаху тины прибавился новый – гнили.

Зеленцов стиснул зубы. Он боялся, что его стошнит. Он плохо переносил вонь. В общественных сортирах ему делалось дурно.

«Терпи, – приказал он себе. – Сейчас ты прирежешь этого гада. И пусть это тоже считают несчастным случаем. Надеюсь, у него нет мамы».

На мгновение он представил себе маму Половникова. Ребята приходили к ней на Серегину годовщину, выпили много водки (водку принесли с собой), дали клятву отомстить, и мама Сереги прощалась с ними растроганная, немножко пьяная и как-то невероятно, невозможно юная. Она казалась не матерью Сереги, а его вдовой.

Вот бы принести ей голову гада. Вытащить из полиэтиленового пакета, бросить к ее ногам. «Вот этот… это он убил Серегу». И мама Половникова с отвращением пнет мертвую голову и поцелует Зеленцова в губы. Лодыжки у нее стройные. Наверняка длинные пальцы, это даже по домашним тапочкам заметно.

Холодная рука опустилась на плечи Алексея. Он подскочил, как ужаленный. Когда это произошло? Как он упустил момент полного сближения с противником? Тихий невнятный голос забубнил возле его уха, и Алексея окатило новой волной зловония. Он стиснул зубы и промычал в ответ. Пусть продолжает считать его пьяным и беззащитным.

А сам украдкой повернул голову, чтобы посмотреть – как выглядит человек, которому предстоит умереть в самом скором времени.

Ничего толком разглядеть не удалось. Возле Алексея сидела, беспокойно ерзая, человекообразная масса. Очевидно было только, что волосы у незнакомца длинные и спутанные.

«Как же от него воняет! – думал Зеленцов в панике. Эта проблема сейчас беспокоила его больше всего. – Не моется он никогда, что ли? Даже от бомжей не так пахнет…»

Незнакомец придвинулся. Влажные руки пробежали по волосам Алексея, запутались в них, слегка дернули, и тотчас принялись лихорадочно гладить его щеки. Волны отвращения сотрясали тело Зеленцова. Он стиснул зубы так, что где-то в глубинах мозга отчетливо хрустнуло, и отчаянно зажмурил глаза. Наконец произошло то, чего Зеленцов ждал: липкие пальцы добрались до его горла. Слегка сжались. Отпустили. Снова сжались, на этот раз немного сильнее. Голос забормотал отчетливее: «Ну… Ну… – произносил он. – Идем. Идем. Будет хорошо. Идем».

Сомнений больше не оставалось. Если вообще могли быть какие-то сомнения! Одним быстрым, в мыслях давно отточенным движением, Зеленцов выбросил из кармана руку с ножом и поразил противника в бок.

Послышался визг – запредельно тонкий, долгий. Дольше, чем в состоянии кричать, не переводя дыхания, человек. У Зеленцова заложило уши. Он почти раскаялся в том, что решился нанести этот удар. А визг все длился и длился и наконец оборвался. Воцарилась блаженная тишина.

Но длилась она недолго, и вскоре ее нарушил громкий, всхлипывающий стон. Маньяк был еще жив.

Зеленцов достал зажигалку, щелкнул ею и наклонился над поверженным. Тот лежал на земле и с трудом переводил дыхание. Алексей не стал спускаться к нему со скамьи, напротив – подобрал под себя ноги, чтобы не наступить в лужу крови.

Он увидел безобразное, покрытое зелеными бородавками лицо. Широкое в скулах и очень узкое в подбородке, с крохотным ртом и плошками-глазами. Оно не было человеческим, в этом Зеленцов мог бы поклясться. Дело не в уродстве черт, не в их непропорциональности – просто вся наружность раненого урода не подчинялась законам человеческой гармонии. В чудище не наблюдалось и следов этой гармонии, пусть даже нарушенной. Ее просто не было.

Волосы у него оказались действительно длинными и спутанными – свалявшимися, как рваные рыбачьи сети, много лет гнившие на заброшенном причале. Руки с шестью пальцами – тоже длиннее, чем следует. Зеленцов с ужасом разглядел лишний сустав: кроме плеча и предплечья, имелось еще одно сочленение.

– Боже! – вырвалось у Зеленцова. – Кто ты? Зачем ты хотел меня убить?

– Я не хотела… – прошептало чудовище. – Я не хотела убить…

Оно двинулось еще немного, и Зеленцов разглядел ноги раненого существа: они срослись и только там, где начинались лодыжки, немного расходились на стороны.

– Русалка? – сказал Зеленцов, откидываясь на спинку скамьи и усаживаясь по-турецки. – Это даже интересно!

Он сунул сигарету в угол рта и закурил. Снизу, из темноты, его сверлили взором глаза-плошки.

Абсурд ситуации взял верх над трезвым рассудком Алексея Зеленцова, и молодой человек принял здравое решение: ничему не удивляться, все принимать как должное и попросту допросить умирающего врага, пока тот не утащил с собой в могилу все свои зловонные тайны.

– Русалка? Чрезвычайно интересно. Но почему ты хотела убить меня?

– Я не хотела… – хрипела русалка, простертая на земле. – Никто из вас не может дышать под водой.

– Это закономерно, – заметил Зеленцов сверху вниз. – Прежде чем тащить под воду представителей вида гомо сапиенс, следовало бы получше изучить их физиологию. Ситуация ясна? – Он наклонился вперед и снова зажег зажигалку. В ее химическом огоньке явилось дергающееся от боли безобразное лицо русалки. – Я тебя спрашиваю, гадина: ясна тебе ситуация?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.